

Оганес Мартиросян

Небо Мадагаскар

Оганес Мартиросян
Небо Мадагаскар

«ЭКСМО»

2021

Мартиросян О. Г.

Небо Мадагаскар / О. Г. Мартиросян — «Эксмо», 2021

Вымышленный Карабах или реальный? Не имеет значения. Речь о том, чтобы ввести его в культурное пространство, в философский дискурс, в сознание человека. Герой книги – Мага. Не армянин, не азербайджанец. Просто кавказец. Он живет в условное время. Никакой войны нет. Есть Нагорный Карабах – независимый. Ни армянский, ни азербайджанский. Мировой. Общечеловеческий. В нем собрано всё. Весь мир по кускам. Улицы Бродского, Бротигана, Мэйвезера. Кафе Кафка и прочие. Вина имен писателей и философов. Встречи, возлияния, беседы, события, знакомства, общение, философия. Жизнь на кончике языка.

© Мартиросян О. Г., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

1	6
2	10
3	16
4	20
5	24
6	27
7	31
8	36
9	41
10	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Оганес Мартиросян

Небо Мадагаскар

Солнце – осиное гнездо, разлетающееся вокруг себя тысячами ос – желтых лучей. Задача человека – заменить ос на пчел, чтобы они давали мед и подчинялись мозгу.

1

Мага вышел из дома и погрузился в горячий Степанакерт, прошелся по улице, вымощенной камнями, слезами и кровью, и зашел в кафе к Армену и Гоги. Там сидел за нардами Тофик и играл сам с собой. Он не удивился приходу знакомого, только надвинул кепку на голову и убил взглядом барана, светящего головой вместо люстры.

– Хорошо, – произнес он.

Мага закурил «Казбек» и выпил стакан сока из Телави. Присел на угол дивана и подумал о Ван Гоге, будто живущем в Грузии и рисующем психбольницы по имени Сергей, Гиви, Махмуд и Арам. «А ведь ничего не изменишь, так и должно быть, иначе – смерть и распад по имени Капитал, который нужно написать и заработать и сравнить друг с другом оба эти пути». Появился Гоги и загрузил свое сознание в пожилой монитор комнаты.

– Что ты делаешь? – удивился Мага. – Сейчас всё на плоскости, девушки вон какие худые, жир отрезали и выкинули современные экраны.

– Вон как, – сказал Гоги и открыл бутылку пива «Тбилиси».

Они обналичили свои мысли и устроили фехтование тем, что тире. «Пить хочется опять, сознания плывут в виде туч и идут буквами, черными, серыми, но буквами, именно ими, свежесть стекает вниз. Так и надо издаваться на свете, чтобы лужи были романами, чтобы текли ручьи – предложения, поскольку босым – лафа». Мага вспомнил юность Нагорного Карабаха и судорожно сглотнул. Медведь его сердца заворочался и привстал немного, после чего снова уснул, так как – зима и холод. На это Тофик ничего не сказал, только задумался и стадо мыслей – коров – пустил пастись над горами и есть бытие, распластанное на них. Маге приятным се не было, но он промолчал и попросил официанта принести шашлык с прохладительным пивом – из Азербайджана и Грузии, чтобы Армения завидовала и тоже зашла сюда, села, вся в камнях и в Севане, и не ела раков, только скучала, подрагивала горами и землетрясениями, мыслила ими и писала стихи. «Хорошее есть Кавказ, он мощный мужчина, о нем мечтает каждая женщина, покоряет его, не вмещает в своем сердце, в уме, не может заставить его работать и кормить семью, бесится, уходит к Ивану или Сергею, Тому или Мигелю и стареет, как Али боксирует с грушей, не идя на войну, так как убийство – грех, жарящий мясо и жалящий плоть».

– Ваше мясо и пиво, – сказал официант и поставил заказ.

– Прекрасно. Благодарю.

Мага начал есть, поливая кетчупом мясо, похожее на Афганистан в 1983 году. Ему оно нравилось, приятен был аромат, тепло наполняло его, питало, дарило крылья его позвоночника, горящему, как свеча.

– Так как пламя есть мозг, спускающийся к паху мужчины и женщины.

Мага закурил и задумался. «Война – это буханка хлеба, мир – тот же хлеб, но нарезанный». Он выдохнул паустовский дымок и огляделся по сторонам. Хорошо ему было. Наступал вечер, выплеснутый из сердца Набокова, и «Защита Лужина» всюду диктовала свои права, напоминающие сложносочиненные предложения, то есть томаты на веточке на прилавке Мехмета. «Именно так, иначе Турция взмахнет ятаганом и отрубит три тысячи голов, выбив из них признание в виде крови, фонтаны вообще, которые – шеи, даже жирафа, не говоря о том, что трубы – змеи, жалящие водой». Мага позвонил знакомой, пригласил ее, назвав по имени, прозвучавшем как выстрел и как Жаклин. Та сказала, что придет и прильнет к нему, не глядя на других, пахнувших Австрией и Венгрией, а также союзом меж ними. Ему это показалось интересным, потому он не стал сравнивать мозг с кишечником, а отметил расцвет Карабаха, ставшего независимым и живущего с сотнями национальностей, надевающих иногда ради приличия на себя человека. Ведь их прогулки и труды в невидимом виде давно начали смущать

прочие страны, где люди двумя палочками ног или рук все еще доставали остальное тело и кормили пространство и время.

– Жаклин, – произнес Мага, – мы все еще не женаты, мы все еще порознь, нас все еще нет.

И она вошла, села к нему и улыбнулась улыбкой квитанции или чека, вообще – страницей из Бабеля, воюющего в гробу со всеми питейными заведениями Москвы.

– Бабель, – сказала Жаклин, – рифмуется со словом «штабель», потому что его рассказы – штабели дров.

– Они горят?

– Они мокнут.

Они заказали по пиву, так как Жаклин не захотела есть, и заскучали в разные стороны, разбросали скуку вокруг. А та скукожилась и облезла, опылила воздух и обмазала лица людей виною и равнодушием к небу и вечерам. «Не лучше ли слушать клипы? Не знаю, но есть разница между звуком с картинкой и без, слушать телевизор больше, чем слушать радио». Мага глотнул пива и растекся мыслью по полу и потолку, чтобы она начала стремиться к соединению, прессируя столы, стойку, стулья, людей и их слова, невидимые, но существующие везде. Жаклин положила ногу на ногу и закачалась немного, погрустнела даже, но больше осталась спокойной, как море, в которое упала бомба и не взорвалась. «Ну и пусть, женщина именно для того, чтобы быть пешкой, офицером и ладьей, уничтожая остальные фигуры – черные и белые, невзирая на их принадлежность, которая – сигарета и дым от нее». Они допили с трудом и легкостью пиво и вышли на улицу, когда расплатился Мага. Присели на лавке и закурили сигареты – карандаши, пишущие дымом по небу – на века. Не иначе, потому что Мага так понял и ощутил, пронесся легко и воздушно сутью своего тела и ума, не сходя с места и не двигаясь, так как вблизи Жаклин. «Пусть будет рядом, нет любви между нами, но она в любой момент может накатить и пройти в виде верлибра и сонета по дороге, исчезая вдали, где солнце – перманентный взрыв, разлетающийся светом и теплом. Потому война – всегда, постоянно, ведь, скажем, свет – постоянное поражение рук, ног, головы и пупка. Свет бьет, ранит и уничтожает, просто не дает подняться и встать, изничтожает всего человека или животное, пронзает их, проникает в кровь, устраивает в ней ураган и топит эритроциты и лейкоциты, плывущие открывать США».

– Почему ты молчишь? – спросила Жаклин.

– Потому что полон.

– Так похудей.

– Я полон мыслей и чувств.

– Я это и имею в виду. Качайся и разбрызгивай все то, что внутри. И передавай железу внутреннее свое. Пропитывай его им.

– Хорошо.

– Наполняй воздух содержимым своего сердца и ума.

– Я понял.

– Ну вот. Замечательно просто.

– Тренируешься?

– Да.

Мага заметил мужчину, идущего к ним. Он был похож на перса. Иран исходил от него. Мужчина шел, окруженный Ираном. Обернутый в него. Сцепленный с ним.

– Барев, – сказал он, когда добрался до лавки.

Мага и Жаклин поздоровались. Мужчина сел рядом и заговорил.

– Весь мир на перепутье сейчас, – молвил он, – одни хотят умереть, другие ничего не хотят. И вот они сливаются вместе. Стекаются в одно и порождают вечность. Людей из двух человек. И этот союз хочет только бессмертия и Вселенной. Счастья, в конце концов. И все

это прет с Кавказа. И персы, и турки хотят жить на Кавказе, едут сюда. Ломятся со всех ног. Льются, бегут, текут. Потому что Кавказ точка силы. Ее поставил Ной на вершине Арарата.

– У него же были обе ноги, – возразила Жаклин.

– Ну он с тростью был. А трость ставит точку.

– Ясно, – рассмеялась Жаклин.

Мужчина представился Саидом и спросил у Маги и Жаклин, чем они занимаются.

– Я тренируюсь и пощу фотки в инсте, – отвечала Жаклин, – ну, так, рекламой еще.

– В основном я пишу, – признался Мага и закурил сигарету.

– Что пишешь?

– То, чего боюсь больше всего.

– Все боятся, конечно, не ты на свете один, – ответил Саид и достал бутылку иранского коньяка.

Они выпили из небольших стаканчиков, которые нашлись у Жаклин, нарезали лимон из кармана Саида, закусили дольками и порадовались бытию.

– Коньяк – это топливо, дизель, – сказала Жаклин.

– Его пьют люди-автобусы и люди-грузовики, – нашелся Саид. – Прекрасно, – добавил он.

– Еще бы, – отметил Мага.

Он вторгся в самого себя, вырезал свои сердце, почки и печень и повесил их на кишках сушиться внутри себя. Устроил геноцид внутри отдельно взятого человека и не испугался суда и ответственности, которые сели вокруг него и начали ждать хлеба.

– Это птицы, – сказал Саид, – они души мертвых детей, умерших и лежащих в люльках – гробах.

– Плохо им там? – спросила Жаклин.

– Да ничего, терпимо. Ждут. И дождутся.

Они выпили еще и замолчали, пока коньяк строил в их головах высотки и врезал в них самолеты, начиненные людьми – самыми взрывоопасными веществами на свете. «Ну и пусть взрываются эти люди, это еще Гоголь описал, когда в мешках у него сидели люди, которых потом заложили под здания и вознесли дома». Мага перестал думать и начал дергать заусенцы, похожие на травинки с семенами, которые падут и взойдут или их выключат птицы.

– Что молчишь? – спросил Мага Саид.

– Коньяк обрабатываю.

– Конечно. Это посылки. Каждая рюмка – почта, ее надо обрабатывать и рассылать через артерии и вены по органам – по провинции.

– О, – сказала Жаклин, – конечно, рука – это провинция, она завидует сердцу и хочет вонзить в него нож, чтобы стать центром. И вообще, самоубийство, когда вешаются, – это революция, а не смерть. Это Ленин, а не Андрей или Сергей, Вахтанг или Георг.

– Понимаю, – промолвил Мага. – Ведь самоубийц вне решетки хоронили, означая свободу – войну красной и белой крови.

– Сталин красный, – вмешался Саид.

– Он черный, – поправил Мага. – Сталин вытекшая и запекшаяся кровь.

– А красные – это рассвет и закат, а между ними – белые, облака или дни. Крайности победили, – сказала Жаклин.

Все накатили и мельком посмотрели на группу армяно-азербайджанцев, идущую мимо и пьющую глазами друг друга.

– Они говорят на русском, – сказал Саид.

– Ну, это великий и могучий, – рассмеялась Жаклин.

– Русский объединяет, – ответил Мага.

– Кого здесь больше? – поинтересовался Саид.

– Сейчас? Очень трудно сказать. Курортное место, омываемое водой, – отвечивал Мага.

– Метафизической, – добавил Саид.

– Может, – сказала Жаклин и закурила трубку.

– Ну а как? Взоем в небо? – посмотрел на Магу Саид.

– Трудно сказать, есть тексты, есть жизнь.

– И они не пересекаются? – спросила Жаклин.

– Они – рельсы, если пересекутся, поезда не смогут идти – будут крушения, – пояснил Мага.

– Поезда будут идти на одном колесе, балансируя на нем при помощи селфи-палки, – догадалась Жаклин.

– Снимая себя? – не понял Саид.

– И выкладывая в инсту, – закончила мысль Жаклин.

Они выпили и все вместе подумали, что это будут глаза на кончиках усов, если поезд будет снимать сам себя. Насекомое, решили они. Их головы соединились сильнее и обменялись грузом мозгов.

– Стыковка произошла успешно, – сказала на это Жаклин и скосила глаза, чтобы видеть Китай.

2

Утром Мага встал, оглядел снимаемую комнату, потянулся, вспомнил окончание прошлого дня, когда он напился и приставал к Жаклин, а Саид сдерживал его, стыдил, объяснял восточные правила поведения. Маге теперь было стыдно, хотя все его приставание было в словах, ими он убажрал Жаклин, омывал ее, набегал на нее, охватывал, гладил и уносил песчинки ее внутреннего мира с собой, оставляя взамен влагу и тепло. «Ну хорошо, меньше надо пить, а то я совсем армянин и грузин, даже второе – посиделки и вино, текущее в рот по веткам деревьев. Слава Кавказу, где мир и покой братьев, воистину их». Он смутился своего пафоса, протер глаза, убрал из них морские песчинки и во всю свою мощь загрузил. Грусть касалась прошлого дня, что тот ушел, унося знакомых и боль, данную ими в качестве оборотной стороны счастья. Он подошел к джинсам и нашел в их кармане номер Жаклин.

– Надо же, – сказал он и сунул полсигареты в рот.

Он заварил кофе, поставил его на балконе и начал медленно пить, куря и молча. Дым кофе мешался с дымком сигареты, объявляя вековечный союз – двух государств, текстов и букв – людей. «Люди живут на карте или глобусе – между ними война, на круглом жить или плоском. На глобусе все каждую секунду падают вниз, кроме тех, кто наверху. На карте все хорошо, если она не висит на стене. Тогда надо ходить по вертикали. Пока побеждает глобус, так как он копия головы. Но существует скальп». Он выкинул бычок в банку, почувствовал напряжение, исходящее от людей, от них самих или их следов, сполоснул кружку и лицо, обозначил свое преимущество над временем, засунув пальцы вместо батареек в часы, и вышел на улицу. «Улица, на которую нельзя попасть, каждая такая, все равно, что снаружи, потому что есть переход – зебра, и на ней нельзя ничего прочесть, но это пока – скоро расшифруют и ее, и ее собрата, бегающего по Африке, прочтут эти строки, черное на противоположном, разберут иероглифы, и тогда многое прояснится в мире». Он позвонил Жаклин, но та не взяла телефон, потому Мага зашел в издательство «Карабах» и начал искать редактора. Секретарь указал на дверь и попросил подождать. Мага уселся на стул и начал рассматривать стены и ногти. «Набоков – азербайджанский писатель, сейчас так решил, он духом из них, взят через время, пространство, театр, гараж и кино. Он лежал на боку и писал, «Лолиту», «Машеньку», прочее. Силой воспел Кавказ. Так, Лолита – Армения, Грузия – это Машенька, сам Набоков не-Гумберт, просто «Остановка в пустыне», чтоб напоить верблюда и скакать в Карабах». Вышел редактор, представился Мамедом, завел к себе Магу, принял флешку с романом, пробежал глазами по тексту.

– Такое печатать не будем, – сказал агрессивно он, рассмеялся и закурил.

– Почему? – спросил Мага.

– Потому что будем! Каждый кавказский писатель дорог.

– А почему не будем?

– Ну, это ворота, которые не успели открыться.

– Ясно.

– Оставьте свои данные, мы свяжемся с вами и пришлем договор. Вы здесь живете?

– Пока.

– Не имеет значения. Я сразу понял, кто вы.

– Приятно.

– Давайте выпьем.

Мамед достал виски, наполнил рюмки, осушил их с Магой и проводил его до двери.

– Ну, теперь мы знакомы.

– Да, – согласился Мага.

Он вышел на улицу Анара и прошел по ней до вечера, стоящего на углу и испускающего темноту из себя. Темнота кружила и танцевала. Рядом стояла девушка и снимала ее.

– Меня зовут Софья, – сказала она, когда Мага поравнялся с ней.

– Я Мага.

– Я так и знала. У меня несчастье – нужно двести рублей, таких вот страдающих и плачущих двести рублей, сложенных пополам, словно крылья.

Мага залез в карман и достал деньги.

– Спасибо, – промолвила Софья. – Мне на эти деньги нужно купить тапочки, чтобы ходить в них по улицам.

– Потому что вся земля – дом.

– Нет, так нежней.

– Понятно.

– Угостите мороженым. И давайте на «ты».

– Хорошо.

– Сколько тебе минуло?

– Тридцать семь горных лет.

– Пушкин?

– Пока не знаю.

– Ну хорошо. Мороженое?

Они вышли на Хачатуряна и зашли в кафе «Гоча». Там уселись в углу и заказали пломбир. Впрочем, Мага взял еще пива, чтобы не отставать от Довлатова, сидящего через стол. Довлатова из предположений и вымыслов, хотя и, возможно, воскресшего, чтобы здесь сидеть и писать, попивая вино.

– Жарко и хорошо, – сказала Софья и расстегнула кофточку.

– Мы же не Гумберт с Лолитой?

– Ты моложе, я старше.

– Вот и всё сходится, – вымолвил Мага.

– Пусть. Стереги меня. Свяжи речью и взглядом, иначе я убегу.

– Куда?

– Ну, к другим мужчинам.

– Беги.

– Да я не хочу.

Покрутили пальцами возле висков, отправили пару фаланг себе в головы, погрызли орешки, как белочки, живущие в голове, и расслабили свои внутренние сущности, так как наружные сбежали от них, в горы вся Арцаха, звучащего, как колючая проволока или антенны – пучок, но все равно что-то колючее. «Строительство неба идет своим чередом, его строят здесь, в этом городе, подвозят кирпич, песок и бетон. И арматуру – да. Небо будет стоять на земле, и в нем будут жить люди, не мешая офисам и библиотеке внизу».

– О чем думаешь? – спросила Софа.

– Так, малое делаю большим в голове.

– Понятно. В голове? Что ты знаешь о ней?

– Разное.

– Ну вот, я скажу тебе. Голова – шар, который выдуло тело. Она из жвачки.

– Вся?

– Целиком. Тело может в любую секунду выплюнуть голову или втянуть в себя.

– Страшно.

– И я про то.

Как ни странно, страшно им не было, потому что пиво и мороженое образовали Северный полюс, с морем и льдом, пеной и таянием, с медведями, спящими в животах. Также они

стопроцентно видели себя в городах, окружающих этот, подернутый дымкой и вносящий коррективы в лица солнца, луны и планет, которые есть на земле. К примеру, есть люди с Меркурием на плечах, есть с Марсом, есть с Фаэтоном – разлетевшимся на куски лицом, с частицами вместо лица.

– Может, возьмем лаваш? – предложила внезапно Софа.

– Просто?

– Ну нет, шаурму.

– Хорошо.

Мага взял шаурму и пиво, открыл его и налил в кружку Софе.

– А себе?

– Хорошо. Просто сперва тебе.

Мага сделал глоток из бутылки и вылил ее содержимое в желудок бокала, чтобы он впитал его в себя, если сможет, а нет, так Мага перельет его в свой.

– Тебе не кажется, – сказала Софья, – что желудок – кастрюля, вот дырявая, скажем, питающая организм из дыр?

– Есть такое, конечно, но она может быть без дыр, просто наполняющейся едой и потом переворачивающейся, кормя и питая тело.

– Нет, не так, желудок без дыр, и он не переворачивается, нисколько, ничуть, просто течет за края. Ну, представь: он полон, он доволен едой, он не тратит ее, просто отдает лишнее телу, кормит его излишками.

– А крышка?

– Это лепешка. Ею накрывают желудок, и тот засыпает, дремлет и видит сны, где он – мать, а ребенок ее – еда.

– Да как? Ребенок рассасывается в животе матери?

– Именно, в ласке и неге с ней.

– Разве так можно?

– Телу не объяснишь, ребенок полностью рассасывается и становится своей матерью, которая заболевает психически, то есть ничем не болеет, не считая детства, вселившегося в нее.

Сделали по глотку и закурили сиги. Софья улыбнулась слегка.

– Знаешь, – сказала она, – болезни бывают такие: мозг, печень, почки, селезенка, кишка.

Глобальные такие болезни.

– Они охватывают всего человека?

– Конечно.

– Понятно.

– Да ерунда. Есть еще другие болезни: рука, живот, голова. Можно говорить: «я болею рукой», «я болею ногой».

– А заразиться рукой или ногой можно?

– Думаю, да.

– Хорошо. У меня глаза – ятаганы.

– Понятно, а у меня глаза – крик: ну классно же, люди, вы наконец поняли, что Карабах – универсальный, он для всех людей, без исключения, в нем должны жить все, все внутри него должны радоваться жизни, и пусть армян и азербайджанцев будет в нем побольше, чем остальных, но это не страшно, а если и страшно, то пустяк, ерунда, потому что Карабах – это победа над смертью, и здесь не суть важно быть первым, так как первый удален от последнего, а кто в середине, тот слышит и понимает всех.

– Вот тебя понесло.

– А то.

– Жить бы и жить всегда.

– За это надо сражаться.

- С кем?
- Со смертью. И с ней.
- А с кем еще?
- С собой, со своими частями тела. Со своими органами.
- А что с ними?
- Они враждуют. А вообще, человек – это МИД и МВД.
- И они враждуют друг с другом?
- Скорее внутри себя. Мозг никак верх не возьмет.
- Думаешь?
- Я уверена.

Сделали по глотку, цокнули языками, размечтались, разнежились, отдохнули, взмыли внутрь своих разгоряченных сердец, там покружили и искупались в крови, покачали ее, проверили узников в камерах, передали им таблетки и тапочки, почитали им Горького и прекратили всякие фантазии, вернулись в кафе и оплатили заказ. Вышли на воздух, облачились в небесное, земляное, червивое, расстались, потекли ручьями, растянулись, охватили несколько кварталов и даже не оглянулись, так как Мага встретил свою однокурсницу.

- Отдыхаешь? – спросил ее он.
- Ну да, – отвечала Нада. – Прилетела сюда.
- Здесь хорошо.
- Сама суть. Дан весь смысл.
- Что будешь делать?
- Чаю хочу попить. Ты с кем-то был?
- С Софьей.
- Кто это?
- Я не знаю.
- Здравствуйте.
- До свидания.

Он повел ее в кафе, где только что был, усадил Наду за столик, дал ей большую ложку и заказал каши и чая.

- Я и так кашу каждый день ем, – сказала Нада.
- Ну и хорошо, не надо будет привыкать.
- Я готова.

Он сел с ней рядом, спросил ее номер и написал ей в смс, что хочет целоваться с ней. Она ничего не ответила, только закрыла глаза и отвернулась. Мага повернул ее лицо в сумерках к себе и коснулся ее губ своими губами. Они слились, стали одним человеком, растворились друг в друге. Целовались кожи, кости, печени, почки, легкие и сердца. Мозги ползали по столу, как ежики, и совокуплялись. «Всё, я люблю ее, решено, потому что не любил раньше. Как она хороша, волшебна, тяжела в бедрах и легка, целебна, и ее невидимая часть, именуемая «эго» и «я», выделана из кожи динозавров, изготовлена из них, обернута в них».

- Так мы целуемся, – сказала Нада, оторвавшись от Маги и положив ладонь ему на бедро.
- А я смотрю из окна, там люди, и каждый сотый имеет в себе больше меня, чем себя.
- А я смотрю часто на закат и вижу в нем себя, будто мое лицо садится и горит тысячами рыжих лучей.
- Конечно, по улицам ездят не машины отныне.
- А что? – спросила Нада.
- Тепло, холод, рыдание, радость, апатия, шизофрения, астма, диабет, грусть, сострадание, туберкулез.
- Просто ездят?

– Ну, не только, еще везут людей, велосипеды, жареную курицу, термосы, рюкзаки, телефоны и всё.

Закурили, постряхивали пепел, пообнимались, даже поцеловались носами, потерлись ими, повдыхали дымки.

– Любишь меня?

– Люблю, – сказал Мага.

– Любить тяжело, тяжелее всего на свете, но без нее тяжелее еще.

– Тяжелее самого тяжелого?

– Да. А ты кто?

– По национальности? Кавказец.

– Нет, это понятно, азербайджанец, армянин, дагестанец, грузин?

– Кавказец.

– Понятно.

– Ну. Какой самый главный вопрос философии?

– По Камю?

– Нет, по тебе. По нему на вопрос ответил Рыжий.

– Думаю, главный вопрос философии в том, может ли быть она не женского рода.

– А еще?

– Могу сказать о главном вопросе религии.

– Хорошо.

– Он в том, может ли человек в зеркале увидеть себя, а не зеркало.

В кафе вошли азербайджанцы и разлили мужественность вокруг себя, стали источать мужское начало со всех своих пор. Официант принес им баранины и коньяк. Мужчины начали есть и подрагивать усами, ловящими радио. На всех языках заиграла музыка. Кавказцы достали нарды и начали в них играть. После чего встали друг другу на плечи и изобразили Хайдеггера. Тот посмотрел на Магу и сказал:

– Если сильно вытянуть ногу, то из нее может ударить лезвие.

– Я понял, – ответил Мага, – а насчет лезвия или жала скажу: озеро, река или море состоят из капель, и эти капли – пчелы, по-моему, если вода горяча, они жалят, если холодна, просто облепляют тебя, вот так, если идет дождь, это пчелы стекают вниз, и среди них есть матка, которая может ужалить и отдать свою жизнь тебе.

Азербайджанцы выслушали его, распались на произведения Хайдеггера и покурили в виде его работ. Каждый труд выкурил сигарету и выпил коньяк, став не стоящими строчками, а бегущими. «Ну и замечательно, пусть будет так, ведь обратное ныне немислимо».

– Строки бегут, – сказал он, – убегают, атакуют или и то, и другое.

– Это же круто, – сказал один азербайджанец и добавил: – Децл – не еврей, конечно, так как азербайджанец, именно он, все так, и вообще – рэп явился от нас. Зародился в наших сердцах, животах и ниже. Азербайджанцы еще покажут настоящий рэп.

– Да никто и не спорит, – ответила Нада.

– Просто мы таились под водой, под поверхностью, не хотели показывать головы в слишком уж непростые времена. Головы рубят, если они вырастают не вовремя. Кочаны летят на землю. Нет древних и не древних народов, есть свет и есть тьма, ну, кто-то сидел во тьме, ну, любил темноту, не считал солнце своим, так как есть звезды.

– Звезды? – не понял Мага.

– Именно, так, тоска азербайджанцев по звездам, так как одна – их мать.

– Это не ваша земля?

– Нисколько.

– А почему вы так цепляетесь за нее?

– А армяне не цепляются за нее?

– Тоже чужие?

– Конечно. Просто здесь филиалы. И вот они мечтают стать центром. Хвост виляет собакой.

– Ясно. Вы просветили.

– Просветили? Как звать тебя?

– Мага.

– Ну, хорошо.

Азербайджанец выпил коньяк и начал медленно петь, но не просто песню, а гастрономию и базар, сеть продуктовых магазинов и последние мысли Христа. Мага слушал его и пощипывал бородку себе. «Хорошо ведь поет, потому что азербайджанцы, армяне и евреи сильны в торговле. Родственные? Не знаю. Не через субъект, но объект. А вообще, бывает так, что у человека армянский мозг, азербайджанское сердце, еврейские почки, грузинские руки, русское лицо и так далее и не обязательно, что так, поскольку у всех по-разному».

3

Утром Мага проснулся у себя с Надой, удивился тому и начал припоминать. «Видно, сильно напился, это поднадоело». Нада не спала, а лежала рядом и играла с волосами на его груди.

– Знаешь, – сказала она, – я подумала о фильме «Зита и Гита».

– Что надумала?

– Многое.

– Например?

– Что фильм о том, что людей подменяют. Зиту забирают на экзопланету, а вместо нее подселяют Гиту. Также наоборот.

– Это фильм о всех людях?

– Ну да. Очень просто. Как Маяковский написал? «Точку пули в своем конце». Он дописал роман – самого себя – и поставил точку. После чего книга его тела и души пошла в издательство. Была издана. Вот. А в комнате нашли черновик.

– Да, остается открытым вопрос, каким тиражом издали Маяковского.

– Наверно, огромным.

– Верно.

Они позавтракали, съели жареной колбасы, выпили кофе «Везувий», который накрыл в своих мыслях весь город и погреб его под собой, проглотили таблетки, чтобы быть на колесах, и пошли на аллею Есенина. Пропустили мимо себя пожилую ездку с собакой и сели на лавку, чтобы побыть вдвоем, но их планы разрушил огромный армянин, который присел с ними рядом.

– Вы думаете, я пришел? – спросил он. – Я настал. Армяне не приходят – они настают.

– Понятно, – промолвила Нада.

– Хорошо вам вдвоем?

– Да, – сказал Мага.

– Если любите, то любите, – продолжил армянин, – но мир невозможен без капелек крови на концевках волос.

– Это как? – спросила Нада.

– Когда кончик волоса источает кровь.

– Для чего? – удивился Мага.

– Просто красиво.

Сказав, армянин поднялся и медленно пошел прочь, источая вокруг себя все армянское, все горное и могучее. «Ну это булгаковское построение дорог, не пути, а строки «Мастера и Маргариты», вот ноги читают их». Мага закурил и взял руку Нады в свою. Он поглаживал ее ладонь, ловил ее тепло, впитывал в себя, ощущал. Они просто сидели под небом, которое представляло из себя зонт, идущий дождем, хоть никакого дождя не было, поскольку фантазии еще не вся реальность, но кастрюля, прикрытая крышкой действительности.

– Чем отличается армянин от чеченца? – спросила Нада.

– Армянин растет в ширину, чеченец – в высоту.

– Они крест?

– Ну, наверно.

– А я думала, весь Кавказ – вертикаль.

– Да, так и было, никто не хотел опоясывать планету, потому армянин сделал этот шаг.

– Экватор – это ремень?

– Да, Земля есть живот, и мне кажется, японец уже сделал ей харакири.

– Не знаю даже, но могу сказать точно: Земля питается трупами. Вот в таком месте мы живем.

– А еще так: Земля – плод, ядро скоро пустит росток или уже пустило, обещая дерево, огромное дерево, на которое мы все переселимся, чтобы жить, не погибнуть.

Зазвонил телефон Маги, обозначился незнакомый номер. Он ответил на вызов. Заговорила девушка.

– Здравствуйте, – сказала она, – я Кэт, мне ваш номер дал редактор Мамед Рашидович, которому вы оставили свой роман. Я его прочитала. Хочу взять у вас наперед интервью. Вы не против?

– Я – нет.

– Завтра вы свободны?

– Да.

– Давайте встретимся в час дня на аллее Булгакова. Вам будет удобно?

– Да.

– Хорошо. До свидания.

– Всего доброго.

– Да.

Мага выключил телефон и начал изучать свои ногти.

– Интересные?

– Ну.

– Давай изучать твои ногти вместе.

Нада вынула из сумочки пилку и ножницы и стала то ли всерьез, то ли в шутку работать с ногтями Маги.

– Никого же нет, – сказала Нада.

Она обработала ногти, укоротила их, отрезав кожицу по краям, и выщипнула зубами пару волосков из бороды Маги.

– На память?

– Конечно, – отвечала она. – Давай я протру пальцы – мало ли.

Она достала спиртовые салфетки и прошлась парой из них по местам срезов.

– Приятно, – промолвил Мага.

– Ну и что, – улыбнулась Нада.

Они закурили одну на двоих сигарету, подымили в разные стороны и поцеловали друг друга. «Вот поцелуй – два голубя или один голубь и один коршун. Или два медведя, самца, если даже целуются мужчина и женщина. А вообще, рот – берлога: в ней спит медведь». Они встали и пошли в библиотеку, где устроились среди книг, взяли Ахундова и начали погружаться в Азербайджан девятнадцатого века, падать в него, перелистывать горы, кюфту, долины, реки, томаты, гранат и тальшей, смеющихся из каждого слова.

– Что такое убийство? – спросила Нада и посмотрела на Магу. – Подойти и выстрелить из пистолета в голову или в сердце? Вонзить нож в живот?

– Нет. Убийство – это самоубийство Ван Гога. Или слова «мы все умрем».

– Это не констатация?

– Нет, это убийство.

– Всех?

– Одного и всех.

– Страшно. И тяжело.

Открыли том Абовяна и увидели тысячи армян, спускающихся с гор. «Это его страницы – предложения, буквы. Трудно читать такое. Можно и умереть». Мага закрыл книгу и остановил тем самым наступление армян. «Пусть отдохнут, хватит уже воевать, хотя война – точка, а

мир – запятая, так как восклицательный знак – ружье с пулей, летящей вниз». От этих мыслей его отвлек чеченец, вошедший в зал и взявший Хемингуэя.

– Люблю остроту, – сказал нохчо.

Он положил кинжал на стол и начал чтение книги.

– Читать книгу – потягивать виски в кафе, через соломинку, пить водку или коньяк, – продолжил он. – А экранизация книги – то же самое, но просто пить, напиваться, бухать. Ну, слово – это соломинка.

– Не думаю, – ответила Нада, – слова – это червяки, читать – это умирать и лежать в гробу книги, пока тебя жрут червяки.

– А потом? – спросил Мага.

– Воскрешение эпилога. Захлопывание гроба и выход.

– Интересно вы говорите, – промолвил чеченец, – потому я подумал, что книга – это автобус, в нем строки – сиденья, водитель – это писатель. Книга везет. Герои входят, выходят, платят.

– Конечно, – сказала Нада, – ведь машины есть бейты. Мотор – писатель, багажник – читатель.

– Слишком много умности, – отметил чеченец, – от нее может стать мягкой кость.

– Мягкое сильнее всего, – не согласилась Нада.

Чеченец посмотрел на нее, достал лезвие из ножен, провел им по языку и покапал кровью на страницы американца.

– Понятно, – сказала Нада, – я поняла, откуда берутся рыбы: сидит женщина в начале всех рек и держит раскрытыми ноги.

– И из ее вагины выплывают все рыбы, – закончил мысль Мага.

– Да, – рассмеялась Нада.

– И вы так всегда общаетесь? – спросил их чеченец.

– Нет, только при жизни, – пояснила Нада. – Просто Карабах такое место, где говорить нужно так. А там, глядишь, все станут такими.

– Просто в Чечне не так, – встрепенулся чеченец, – там только лестницы.

– Конечно, – продолжил Мага, – Чечня – полное собрание сочинений Маяковского, тринадцать томов, разрыв двенадцати месяцев, расцепление их.

– Ну, если странно говорить, то скажите мне странно: что есть Арцах? – спросил чех.

– Рэмбо, – ответил Мага. – Мы внутри человека. В голове или в почках.

– Неплохие места, – отметила Нада.

Она полистала Абовяна и начала негромко его читать. Звук ее голоса наполнил библиотеку, как мясом желудок. «Пусть читает, приятно, воздушно, почти легко, так как если некий Вася сорвет болячку и бросит ее и ее съедят муравьи, то их будут звать Васями, пока они не съедят болячку, скажем, Петра. Поэтому вопрос в том, что откладывается на боках, а не в том, что вышло из них».

– Террорист – это тот, в ком взрывается сердце, в ком взрывается мозг – писатель, – сказал чеченец, прервав чтение Нады и размышления Маги.

– Терроризм – это работы Сёра, война или мир – почти все остальные картины. Не все знаю, конечно, – оживился Мага, – но могу сказать, что на днях видел сон, где воскрес немец из «Судьбы человека» и пытал меня.

– Какой немец? – удивилась Нада.

– Которого возил Соколов и сдал после русским.

– Ну вот он и отомстил тебе, – вмешался чеченец.

– А я Соколов?

– Тебе лучше знать, – вынес вердикт чеченец.

Все замолчали, поклевали глазами буквы, рассыпанные в книгах, насытились и откинулись на спинки стульев.

– Я вот подумал, – сказал чеченец, – Печорина же хотела убить девушка в Тамани, а он сбросил девушку в воду. Он же не прав. Это было признанием в любви с ее стороны. Он должен был расслабиться и получать удовольствие от смерти – оргазма. А после нее жениться на девушке и жить до ста лет.

Мага и Нада промолчали, посмотрев друг на друга тем, что вокруг глаз. Чеченец тоже больше не говорил. Он ворошил Хемингуэя, будто бы потрошил, после чего встал и ушел. Нада хмыкнула и открыла газету «Заря Карабаха», начала листать ее, отчего семечки – буквы – посыпались из нее. Тут же в открытое окно прилетели голуби и склевали все черные буквы.

– Вот, – сказала Нада, – а из букв могли взойти подсолнухи. Альтернативы солнцу.

– Подсолнухи – фонари?

– Думаю, да.

– Ну так что ж, пусть будет так. Каждый фонарь мечтает стать солнцем.

– Конечно. И это происходит везде. Просто когда фонарь начинает разрастаться и дарить лето зимой, появляется хулиган и гасит его кирпичом.

– Зачем ему это?

– А потому что хулиган правит миром, и ему ни к чему перемены.

– Он кидает кирпич в лицо Цюю?

– Конечно. Барышня и хулиган. Мир сейчас – это война Маяковского и Цюя. Битва меж ними. Один основал Советский Союз, другой разрушил его.

– Не только они одни.

– Понятно, но оба – главные.

– А я подумал, что если разрубить надвое льва, то две гиены побегут в разные стороны, оставив на песке лужицу крови.

– Лужа – это заплатка.

– Лужа – шпион океана. А ногти и когти – клювы. Не кисть, а пять птиц.

Мага замолчал, чихнул, сжав пальцами нос, проводил Наду и забурился к себе. Посмотрел телевизор – старый, пузатый, толстый, откормленный, с перевариваемой пищей внутри – с сосисками, пивом, яичницей и зеленью, – и уснул.

4

На следующий день он, после пробежки, завтрака и душа, пошел на свидание с Кэт, хоть это и было интервью. Она уже ждала его на аллее. «Совсем еще девчонка. Ну ладно. Не в возрасте дело. Много лет – много пищи, годы – еда, кто живет долго, тот обжирается. А после сует два пальца в рот и блюет. Ерунда. Заново начинает есть. Заново начинает жить. Жить – это есть». Они поздоровались и сели на лавку. Кэт включила диктофон.

– Скажите, – сказала она, – почему вы решили писать про Карабах?

– Трудно сказать что-то одно, комплекс причин, но главная состоит в том, что Карабах центр мира, в нем заключены тайны жизни и смерти, тайна бессмертия. В нем сокрыта тайна Иакова и его борьбы.

– Какие писатели оказали на вас влияние?

– Больше философы, а писатели – Цой, Кобейн, Меркьюри. Они писали строки – ряды в зале, концертном.

– Люди – их тексты?

– Теперь разрозненные их книги ходят на работу, ездят в машине и пьют вино и коньяк.

– Давно вы пишете?

– Двадцать примерно лет.

– Много, знаете как. Пишете постоянно?

– Нет, путешествую, смотрю мир.

– Вы пишете свои тексты в кафе?

– Пока нет, но хочу. Кофе, сигареты, письмо.

– Романтично, вы знаете. Сколько времени у вас уходит на книгу?

– Бывает – год, бывает – три месяца.

– Считаете?

– Так кажется.

– Не пробовали писать на другом языке?

– Изучал армянский – не вышло. Русский родной.

– Отлично. Пишете только романы?

– Нет, не только они.

– Трудно писать, понимая, что литература сейчас на отшибе?

– В наших силах вернуть ей центр.

– Думаете?

– Уверен. За то, что сейчас никому не нужно, завтра может начаться бойня.

– Интересно. Литература что дает человеку?

– Космос.

– Не телескоп?

– Телескоп – ручка, из которой в глаз стекают чернила – черный-пречерный космос.

– Печорина вспомнила.

– Да. Он черен, поэтому ему нет места среди белых.

– Как проходит ваш день?

– Кофе, сигареты, прогулка, работа за нетбуком или смартфоном.

– Много в день пишете?

– Нет, редко такое, две-три страницы.

– Близок ли вам Есенин?

– Трудно сказать, поэмы после революции очень круты у него. Видимо, небо раздвинулось в 1917 году и стали возможны открытия и откровения. Там есть место и космосу.

– Космос – это ведь то, что вырвалось из головы человека?

- Да, скорее всего, и не исключено, что он вернется обратно.
- В уменьшенном виде?
- Он пасся.
- Есть советы писателям?
- Писать о том, что не знаешь. Там возможны открытия.
- Писатель – Колумб?
- И он.
- А как же тогда уничтожение индейцев?
- Бумага была исписана?
- Да, потому что – стерка.
- Ластик?
- Конечно, да.
- Стирание красной пасты?
- Восстание против учителя.
- Именно. Хорошо.
- Не геноцид. Никак. И последний вопрос: чей Карабах?
- Он всех.
- Благодарю вас. Ваше интервью выйдет в газете или как предисловие к книге.
- Хорошо.
- До свидания.

Они встали и пошли в разные стороны, исчезли из вида друг друга. Мага зашел в кафе и заказал кружку пива. Сделал глоток и задумался, пока к нему не подсел парень и девушка. Они представились именами Андро и Осень. Тоже выпили пива.

- Что за пиво? – спросил Андро.
- Краснодарское, – молвил Мага.
- Ну а у нас немецкое.
- Хорошо.
- Это да, – согласился Андро.

Осень улыбнулась и сделала глоток пива.

- Карабах – это черепаха, – сказала она.
- Морская? – спросил Андро.
- Конечно. Она на поверхности моря.
- Она не перевернута? – поинтересовался Мага.
- Нет. Зачем? Но была. И ее хотели зажарить и съесть.
- Кошмар, – сказал Мага на слова Осени.

Осень взяла чипсы и сухарики, положила их на середину стола и предложила всем есть.

– Карабах мужского пола, – продолжила Осень, – когда он найдет себе самку и спарится с ней, вскоре десятки Карабахов распространятся по всему миру.

- Страшно, – промолвил Мага.
- Это только начало, – проговорил Андро.

Они продолжили пить, разомлели и раскраснелись, стали ужасно молодыми и честными, стали вынимать деньги из карманов и совать их друг другу в руки. Даже вставать иногда и обниматься. Пожимать руки друг другу. Пить из чужих бутылок, хотя слово «чужие» стало чужим и лишним. Мага зачитывал куски из романа, Андро слушал, Осень скучала. А вообще были будто на сцене, будто сотни людей смотрели на них. Всем было хорошо, ракеты не падали, бомбы не взрывались. Пули – пчелы – не дарили кровь, то есть мед, из постоянных тел.

- Мед, мед, мед! – спела и воскликнула Осень.
- Мед течет по жилам, а пчелы его выпускают наружу, – отметил Андро.

В это мгновение в дверях показался мужчина, представился Маге Николом и сел с ними за стол.

– Это наш друг, – произнес Андро.

Никол взял азербайджанский коньяк и разлил его в рюмки.

– После пива можно коньяк, – сказал он.

– Ты тоже пил пиво? – спросил его Мага.

– Ну, было дело вначале.

Парни продолжили пить, а Осень закружилась по залу.

– Я Осень, – шептала она, – вы видите не девушку, нет, перед вами прохлада, дождь, листопад. Вот так вот. Нам всем светло. Ведь облако – это парус, а молния – это мачта.

Мага глотал коньяк, делал небольшие глотки, впитывал небеса и гром, впускал рычание «КамАЗа» себе внутрь. «Озвереть можно запросто, только надо понять, какие насекомые – это безумие, а какие – психическое здоровье, какие животные – солнце, какие – луна, а какие – земля. И надо делить людей и их сознание на кастрюлю и крышку». Мага сделал еще глоток, сощурился, вздрогнул и посмотрел на Андро. Тот сидел в телефоне. На какое-то мгновение Маге показалось, что он видит, как файлы летят из головы в смартфон и обратно, будто wi-fi работал, связывая сознание Андро и телефона.

– Мне кажется, – сказал Мага.

– Что? – спросила Осень.

– Связь.

– Ничего подобного, – молвил Андро и убрал телефон.

Осень села за стол и сказала:

– Умирать – это девятнадцатый век.

Все рассмеялись, а потом задумались. Стали думать над этим. Мага даже выдернул заусенец и смочил слюной ранку.

– Что ты делаешь? – спросила его Осень.

– На автомате, – ответил Мага.

– Понятно. Не делай так. Зараза, и все дела, – молвила Осень.

– Здесь можно курить? – задал всем вопрос Мага.

– Думаю, да, – предположил Никол.

Мужчины закурили и начали пускать дым, похожий на посмертную маску Бродского. «Ну а что, Бродский столько курил, что превратился в конце концов в сигаретный дым и стал небом, тучами над головой, каплями дождя, которые заправляют в электронные сигареты и курят каждое стихотворение Бродского по отдельности».

– Почему все молчат? – поинтересовалась Осень.

– А что говорить? Мы в Карабахе, – ответил Никол.

– Этим все сказано? – спросил Андро.

– Конечно, – промолвил Мага.

– Здесь решается все.

Все выпили по коньяку и посетили Азербайджан по отдельности, кусками, теплом, лицом. Каждый надел на себя Баку и прошелся по его улицам в людях, в банках, в машинах. «Хорошо плавить лбом Азербайджан, как стекло, потому что сок винограда и граната течет тебе в рот».

– Коньяк – замечательный просто, – произнес Мага и щелкнул языком.

– На то и рассчитан, – молвил Никол. – Коньяк – это то, что внутри и снаружи бутылки.

Даже над ней.

– А почему Адамов покончил с собой? – спросил Мага.

– Кто это? – спросила Осень.

– Он уперся в стену, разделся до отсутствия себя и перешел преграду, – объяснил всем Андро.

– Ясно, я поняла. И мне пришла в голову мысль, есть два жанра литературы – мир и война. Есть книга мир, есть книга война.

– Давайте лучше пить, – вмешался Никол.

Он заказал коньяк, открыл его и пошел за лимоном.

– Сиди – принесут! – крикнул Андро.

Никол ничего не ответил и вернулся через минуту с блюдцем с лимоном.

– Как аккуратно нарезан, – сказала Осень и выпила.

– Официантка люкс, – улыбнулся Никол.

Мага почесал бородку, побарабанил пальцами по столу и огляделся: мужчина, похожий на Камю, женщина – вылитая Бовуар. «Приятно здесь, будто время остановилось, так как устало идти и решило покурить на ветру». Мага разломал сигарету и выкурил обе части.

– Ну и зачем? – спросил у него Андро.

– Сделал двоих детей из одного взрослого.

– Ну, я так и подумал, – ответил Маге Андро.

5

Вечером, расставшись с компанией, Мага сидел в компании Жаклин у нее дома и пил с нею кофе. У нее постоянно звонил телефон, она отвечала, сердилась и улыбалась, положив ногу на ногу. Мага и Жаклин прихлебывали горячий напиток и молчали вокруг себя. Будто материя исходила из них.

– Вот бы елку украсить своим сердцем, почками, кишечником, мозгом, печенью и селезенкой, – сказала Жаклин.

– И смотреть на это своей пустотой.

– Конечно. Глаза тоже на елке, они смотрят на своего бывшего владельца, рикошетят от него и видят себя и елку.

– Фотографируют в мозг.

– А как прошел день? – спросила Жаклин.

– Давал интервью и пил.

– Один?

– Нет, компанией.

– Что говорил в интервью?

– Разное. О Карабахе, ползающем по земле. О самой большой любви. О том, что скоро в гробы будут класть только виноград, вино и изюм. И закапывать их.

– Это же интересно.

– Или класть труп с топором и лопатой.

– О, это очень круто. Мертвецы вылезут из могил и из гробов выстроят храм.

– А вокруг засадят картофель, чтобы он пропитался смертью и дал неземные плоды.

– Я бы его сварила и пожарила тоже.

– Вкусно будет, потому что книга – это скелет, а картина и музыка – плоть.

– А фильм?

– Кино есть одежда.

– Я бы сняла ее.

Отложили чашки и начали грызть фисташки, которые достала Жаклин. «Орех – это в черепае мозг, он мыслит, он думает, он пишет и знает «Пир». «Тимей» у него внутри».

– Будешь водку? – спросила Жаклин.

– Нет, я вчера писал о ней.

– И это тоже глубокая мысль: писать о водке – практически пить ее.

– Опыняет сквозь текст.

У Маги зазвонил телефон. Обозначилась Нада.

– Ты с женщиной, – сказала она. – Я тебя жду. В кафе «Эфиоп».

Мага ничего не ответил, только закурил, попрощался с Жаклин и пошел к себе. Дома лег на диван и начал смотреть в потолок. Он уже не мог жить на разрыв. Просто болело все. Он задремал и уснул. Увидел во сне бытие, абстракцию, душу, секс сам по себе и ничто. Очнулся от поцелуев. Рядом сидела Нада и целовала его.

– Как ты сюда вошла?

– Ты не запер дверь.

– Странно.

– Не говори.

Мага и Нада слились в поцелуе, Нада раздела Магу и расцеловала его всего.

– Не могу иначе, – сказала она, – всего тебя хочу целовать и ласкать.

– А что еще скажешь?

– Философское? Любой смартфон – это зеркало.

– Открытый на любом сайте?

– Да. А ты что скажешь?

– Человек – это самоубийство, и перед ним основная задача – вывернуть себя наизнанку.

Замолчали, пошли на кухню, стали пить чай. «12 стульев – двенадцать часов, вершина – с бриллиантами стул, Новый год, когда двенадцатый час лопнет и из него посыплются бриллианты, сделав богатым каждого, а не только Осю и Кису». В дверь позвонили. На пороге стояла девушка.

– Я Нести, – сказала она. – Можно войти?

– Входите, – дал разрешение Мага.

Нести вошла и села за стол. Мага налил ей чай.

– Я ненадолго, просто мой парень на работе сейчас, а мне стало скучно. Знакомый дал ваш адрес, сказал, вы интересный писатель. Можно с вами болтать.

– Ну, можно, и я не против.

– Тогда скажите, торт – это СССР. Да?

– Допустим, – сказала Нада.

– А СНГ – это тот же торт, но нарезанный.

– Мысль ваша ясна, – не удивилась Нада.

– Ну, день рождения, например, праздник 1991, торт надо нарезать, иначе он испортится целиком, – продолжала Нести, – и его не съешь, потому так и вышло, наконец, его разрезали, чтобы все съели, а не стоял он на столе и кис.

– Выходит, СНГ обречено, будущее его в желудках, – заметил Мага.

– Видимо, так. Ничего не поделать, – согласилась Нести.

– Можно построить другую схему, – возразила Нада, – торт стоит, а рядом с ним пирожные – Россия, Украина, Грузия, Беларусь.

– А, ну не все вступили в СНГ. Не все хотят быть съеденными, – расхохоталась Нести.

– Конечно, – согласился Мага, – ведь евреев уничтожали за то, что они евреи, а армян и русских за то, что русские – армяне, а армяне – русские.

– Интересная мысль, – отметила Нада, – но лучше сидеть в кафе, курить, пить кофе и говорить это всё.

– Рано идти в кафе, – возразила Нести. – Давайте устроимся здесь, создадим кафе тут. Задернем шторы и зажжем свечи.

– Ну хорошо, – сказал Мага.

– Вот книга открытая – это птица, – продолжала Нести, – птица в полете, закрытая – птица сидит, на ветке или земле, то есть чем дальше птица, тем она понятнее и доступней. Птица, летящая на юг, – это роман. Птица по городу есть рассказ. Птица может быть орлом или голубем. Книга может съесть книгу. Книга может спариться с другой книгой и породить новую книгу.

– Вы на философском учились? – спросила у Нести Нада.

– Нет, просто философия везде, всё, что мы видим, есть философия.

– И поэзия, – добавила Нада. – И вообще, подсолнухи и тыквы есть головы, грызть семечки – впитывать животом мысли, мышление, философствовать телом. А дыни и арбузы такие головы, чьи семена порождают только головы, воспроизводят самих себя. Они нарциссы.

– Конечно, – отметил Мага, – но они вкусны, потому что художник, рисуя картину, порождает ребенка, только другим путем. Из дома бывает один выход, но бывает и два.

– Дом – это женщина, – согласилась Нести, – и его могут ограбить: когда женщина спит, из нее могут выкрасть ребенка.

– Понятное дело, – нашлась Нада, – и к тому же мужчина и женщина – одно целое, арбуз, дыня или тыква, но так их нельзя есть, и потому человек берет нож и делит их. Причина смерти есть голод.

- Какой человек их делит? – не поняла Нести.
- Вообще человек, – за Наду ответил Мага.
- Мужчина или женщина?
- Ни тот, ни другой. Человек – это третий пол, – продолжила Нада.
- Трансгендер? – спросила Нести.
- Нет, человек вообще. Голый. Который снял с себя мужскую или женскую одежду.

Потому что пол есть одежда. А человек – это тот, кто гол, даже если он одет в шубу и в валенки.

– Интересно, – промолвил Мага, – раньше писатель брал перо – пенис – макал в чернильницу – вагину – и писал. А теперь – ручка, можно долго писать, очень долго, а потом покупать новую или менять стержень.

– Понятно, – сказала Нада, – раньше литература была сексом, теперь она – онанизм.

– Ну, знаете, – возразила Нести, – это все прекрасно, но сейчас пишут пальцами, сейчас человек отдает всего себя своему творчеству, потому что пальцы – черви, они пожирают человека с одной стороны и выделяют его в виде экскрементов с другой.

– Неужели любое письмо сейчас есть дерьмо? – удивился Мага.

– Почему? Некоторые считают, что все пальцы – пенисы и любое письмо есть оргазм. Черное-черное семя, – сузила глаза Нести.

– О, это круто, – промолвила Нада и уронила стакан. Тот полетел навзрыд и приземлился в небо. Знакомые рассмеялись, плюнули себе на ладони и растерли по щекам. Курнули марихуаны из Гянджи, потанцевали в дыму и выпотрошили воблу, плывущую у них в головах и не находящую в них приюта. Расплакались под воздействием наркоты по имени Бродский, и Нада сказала:

– Наркотики – это не конопля и гашиш. Наркотики – это Бродский, Маяковский и Блок. И трое пошли на улицу.

6

Сели на лавочку возле дома, подошла Лейла, подруга Нести, и все пошли в клуб «Дагестан». Сели за столик и заказали вермут, потанцевали малость и приступили к выпивке.

– Полумесяц – это ободок на голове, – сказала Лейла. – Когда месяц округлится, он станет лицом, девушка будет смотреть с флага Азербайджана и Турции.

– Лейла? – спросила Нада.

– Не обязательно, – ответила она.

– А почему боком?

– Лейла спит, – рассмеялась Лейла. – Азербайджан – это сказка о спящей царевне. Никто не любит армян сильнее, чем азербайджанка и турчанка.

– Думаешь? – спросила Нести.

– Не думаю – знаю.

– По себе? – продолжила Нести.

– Ха-ха-ха. Кончай провокации.

Все выпили вермута, плеснули бензина на свои сердца – угли, ждущие ветра. По-бродски закурили и заказали наргиле. Лейла подкрасила губы и поправила волосы. «Здесь есть книги? Набоков точно должен быть. Без него в клубах нельзя. Хоть и чуждо мне это все. Люблю воздух и лавочки. Ну, или уютные кафе, где можно курить и писать. Надо бы открыть кафе «Бодрийяр», да не мое это дело. Ну да ладно. Пустяк». Мага позвонил Вику и позвал его. Вик – его здешний знакомый – резался в приставку, но обещал приехать.

– Кому ты звонил? – спросила Нада.

– Вику.

– Я его знаю?

– В общем, возможно все.

Нести поперхнулась дымом, закашлялась, Мага принес ей воды, успокоил знакомую, привнес в ее внутренний мир цитату из горной реки. Нада поднесла платок к краю глаз, по очереди смахнула слезинки.

– Ты плачешь? – спросил ее Мага.

– Нет. Впрочем, да. Просто чувствую конец вековой истории, будто она подходит к концу и потом все будет по-другому. Мы будто выбрались из колодца.

– Серьезно? А, да, – промолвила Нести и выпила.

– Это очень страшно и чудно. Головокружение. Свобода. Ветер и дождь. Или туча и солнце. Совершенно иные законы. Совершенно иное время, если оно вообще есть и будет, – продолжала Нада. – И будто на краю колодца стояла огромная глыба, которая сорвалась вниз сразу после нашего выхода.

– А я подумала, – сказала Лейла, – что смерть только вопрос памяти. Ведь что нужно? Только тире вместо пунктира. Чтобы новый человек получил душу умершего и помнил о ней, понимал, что он – это тот, кто умер. Перенос вещества нужен. Мага умер. Да здравствует Мага. Вот и всё.

Компания выпила еще, съела по салату и вышла из себя, потому они ели и они танцевали – одновременно, пока Гришковец не выключил музыку и не стал читать свою новую пьесу.

– Кто это? – спросила Лейла.

– Драматург, – ответил Мага.

– Ясно, – сказала Нести.

– И мне, – подключилась Нада и добавила: – Книги нужно держать около изголовья или класть одну книгу под подушку.

– Зачем? – удивился Мага.

– Голова пропитывается ими.

– Ну, так можно сказать, – возразил Мага, – что поцелуй без языков лесбиянский, ниже лобка слегка, это если по сути. А поцелуй с языком – это секс мужчины и женщины.

– А поцелуй с языками, – вмешалась Нести, – это секс двух вагин, которые вообразили себя пенисами. У которых внутри сюрприз.

– Мне неприятно это слышать, – возразила Нада. – Я могу только сказать, что секс мужчины и женщины – это когда ящерица хочет спастись в норке, но не может и погибает, от нее остается только кожа, валяющаяся снаружи.

Они замолчали и стали слушать Гришковца.

– Янис выходит из дома и говорит, – читал Гришковец, – не трогайте ящерицу языка, не сжимайте ей хвост своим горлом, иначе ящерица отпустит свой хвост и убежит изо рта, крича «Преступление и наказание» и «Воскресение», поскольку Достоевский и Толстой – две ноги человека, между которыми их ручка, которой они писали по очереди. На этом Янис не замолкает, только покупает пиво и превращает его в водопад, спадающий в желудок, чтобы художники фотографировали его, а люди купались под ним. Янис вкушает теплоту летнего солнца, рубит дрова и вздыхает меж колкой. Говорит: скоро хлеб будут делать из мяса, люди будут укрываться облаками, идущими ливнем и бьющими молниями. Янис залезает на крышу и оттуда вещает, как Заратустра: половина человека – это два человека, и из вагины женщины может вырасти дерево, которое папа Карло срубит и сделает из него Буратино.

– Пойдемте отсюда, – сказала Нада.

– Почему? – удивился Мага.

В этот момент позвонил ему Вик, сказал, что не может приехать, так как тяжел душой, и позвал всех к себе, на улицу Анара. Мага озвучил его предложение, все допили вермут, вызвали такси и помчались. Летели сквозь город, Мага смотрел из окна и видел фильм «Кофе и сигареты», закрывал глаза и лицезрел картины Ван Гога, стихи Маяковского, прозу Булгакова и пьесы Вампилова. Всё было намешано и переплетено, всё боролось друг с другом, и сам город представлял собою сражение всех видов искусств.

– Я вижу музыку, – молвила Нада, – фуги Баха несут Карабах прямо в уши, глаза, обволакивают кожу и создают ощущение моря. Мне хорошо, сонаты просто разрывают меня, как псы, и уносят мое мясо в себя, а скелет мой прыгает от счастья и радуется вечности по имени Карамель, Шоколад, Пряники, Вафли и Торт.

– Город могуч, – продолжил за Наду Мага, – он северно-ледовит, и в нем таится огромная жара, огромная Грузия, силы Чечни, слезы ребенка, которые пьет Достоевский из бутылки, купив сие за 15 копеек в универмаге, где африканцы и азиаты продают вертикаль своего духа, сотканную из молитв.

Через 20 минут они были уже у Вика, купив три бутылки армянского коньяка и плетеный сыр, похожий на дреды, только без головы и тела того рэпера, который их сплел и спел. «Какой вечер, какие значения, которые именуются звездами, рублями, когда солнце – пятак. Но есть ведь еще бумажные деньги, и они тоже звезды, и они дороже и больше, но хватит, пора бухать».

– За бессмертие! – сказала тост Нада.

– Ну, это что? – загрустил и удивился Вик. – Мы все умрем – это ясно.

– Ну вот жизнь – это линия, – промолвила Нада, – ее ведет писатель, раньше она прерывалась, потому что писали пером, потом стали писать ручкой, жизнь стала длинней, а в будущем на экране смартфона или компьютера линия сможет не прерываться вообще.

– Ой, не понимаю я эти параллели, – огрызнулся Вик и выпил коньяк. – Грустно от этого, ну жили веками так, не всегда хорошо, ну войны, голод, болезни, но привычно и хорошо в целом, а сейчас эти телескопы, полеты, таблетки. Не знаю, не знаю даже.

– Ты хочешь умереть? – спросил его Мага.

– Да никто не хочет, – уклонился Вик, – просто смерть – это как Вторая мировая – все дружно встают и идут умирать, все сразу. Ура! – мы сейчас умрем. Это такая экзальтация.

– Ну, вкусно умирать, согласен, – произнес Мага и выпил. – Но не все солдаты умирают, обмотанные своими мертвыми товарищами, как тротилом. И вот они все и поборются за бессмертие.

– Просто если бессмертие возможно, то оно – от армян и прочих, черных, кого я не люблю, – выдавил из себя Вик, – значит, русским и американцам придется потесниться, уступить свое место. Лучше умереть, но быть первым.

– Понятно, – сказала Лейла, – так мы приходим к тому, что жизнь – это секс, а смерть – эпилог, оргазм. Рождаются и живут ради смерти. А смерть порождает жизнь. Потому святые не занимаются сексом, ведь они – секс в чистом виде.

– Кошунственно, – отметила Нести, – но правда.

Включили медленные и ранние песни группы «Кино», затянулись дымком, рисуя Марс. «Там пески, пустыня, Алжир, там играют в пляжный футбол, гоняют мячи, которые наполнены последним выдохом марсиан, которые были индейцами и большевиками, что одно и то же, иначе не объяснить ненависть к США и тех, и других, именуемых общим именем Гойко Митич и танцующих вокруг костра из книг Фридриха Ницше».

– Что такое бутылка? – спросила у прочих Лейла.

– Что? – поинтересовался Вик.

– Желудок и пищевод.

– Ну, сходство можно найти, – согласился Мага.

– Да я о том, что надо бутылки выпускать в таком виде.

– Понятно, почему у пьяных развязываются языки – пробки и крышки нет, – сказала Нести. – И получается, что алкоголь не внутрь поступает, а наружу. Пьянеют люди и округа, когда откупоривается бутылка.

И Нести закружилась по комнате, развивая обстановку вокруг себя, увеличивая ее, накачивая. «У пьяных косят глаза, потому что пьяные – Азия, захватчики, пьяные – филиал Китая или Японии, их шпионы, лазутчики, призванные собирать информацию и передавать в те страны. Те же, у кого просто косят глаза, те постоянно на связи с Китаем, те косят действительность, траву, которой Конфуций назвал людей, и делают голой землю ради нового посева, ради урожая, породы, будущего». На этом Мага закончил мышление и выпил коньяк, который устроился надолго в его желудке, усевшись там с газетой, в тапочках и в очках. «Карабах, если так посмотреть, есть Ван Гог, рыжий, безумный, странный. И гениальный тоже. Не признанный никем мастер, потому что живой. И все ждут его смерти, чтобы признать его». Мага почесал подбородок и сказал всем, что Твардовский был роботом, первым советским роботом, не писавшим никогда о любви, Терминатором, Шварцем или его отцом.

– Не соглашусь, – возразила Нада, – город – это кожа, которая покрывает людей культурой, но за пределами города, в лесу или в поле, человека лучше не встречать, потому что он обнажен, даже если на нем сто пальто, человек на свободе превращается в оружие, стреляющее в муху, оленя, льва, человека и бога. Руки и ноги – ружья, бомба сама голова.

– Так и есть, – согласился Вик, – а от себя добавлю: живой человек – живой и мертвый, одновременно, а мертвый человек – или живой, или мертвый – только что-то одно.

– Ну да, так и есть, – сказала Лейла, – ведь дождь – это война, миллионы свинцовых пуль, убивающих землю. А лужи – расплавленный свинец, даже если он очень холодный.

– Жидкий Терминатор, – усмехнулась Нада. – Бойтесь, бойтесь его!

– Да мы боимся, – отреагировала Лейла, – но любая сумка – это женский живот, и если вы положите в нее ключи, то через девять месяцев достанете из нее машину или квартиру.

Тут зазвенел телефон Маги, обозначилась Жаклин, она звала пить и гулять, радоваться Карабаху, раскинутому над собой – Арменией и Азербайджаном, содержащими в себе Россию,

Францию и США. Мага начал звать Жаклин к Вику, объясняя свою занятость танцами, выпивкой, компанией и ночью, которая – работа: кем работаешь? – ночью. Потому через полчаса с двумя бутылками виски в их компанию ворвалась Жаклин. Она сразу взяла быка за рога, внеся в квартиру музыку бедер, груди, шеи, матки, вагины, яичников и пахнущих испуганием грехов рук.

– О, вечеринка в разгаре, – сказала она.

– В самом что ни на есть, – молвила Нада, – так как Платон – это модель самолета, в котором летят в Стамбул «Тимей», «Государство», «Законы» и «Пир».

– Это прекрасно, – согласился Вик и добавил: – Брюс Ли никогда не был человеком, он был тем, чем занимались другие, – дзюдо, карате, ушу. Его смерть означает только одно: то, что им овладели в совершенстве, довели до точки и острия.

– А у меня такое ощущение, – закричала Жаклин, – что в Карабахе умерли время и смерть! И вся жизнь здешних людей в поедании этих двух трупов! В жарке и варке их! Давайте танцевать, общаться и пить!

Компания выпила, и каждый закружился с бутылкой, шепча ей то, что диктовала она.

– Почему пьяные смелы? – спросил себя Мага вслух. – Потому что в бутылках джинн, пьяный проглатывает его и становится им, выполняя любое желание. Вот так. Или джинн говорит через пьяного, чувствует свою силу и способен уничтожить весь мир.

– Ооо! – воскликнула Нада, – я тут подумала: любая машина едет не на первом, втором, третьем, четвертом колесе, даже не на сумме их мчится и катится, нет, каждая машина едет на пятом колесе.

– А «КамАЗ» едет на одиннадцатом колесе, – с грустью сказала Жаклин. – Он едет на одиннадцатом колесе, как человек едет в одиннадцатом автобусе.

– Ты почему грустила? – спросил ее Вик.

– Месячные приближаются, – отвечала она, – и мне кажется, что они не изнутри, а снаружи. Типа не гейзер, а скорее лавина. Вот такие дела.

– Ну это не беда, посмотри – какое счастье в деревне: крыши домов – открытые и перевернутые книги, из которых сыплются вниз герои и живут: сеют, торгуют, пьют, – спела почти что Нести.

– А есть учебники: геометрия, алгебра, физика, – дополнила Нести Нада.

– Другое дело – города, – вмешался Вик, – в них плиты – листы А4, на них можно всем писать.

– Ногами, – добавил Мага и, дождавшись окончания вечеринки, ушел в другую комнату и уснул.

7

Утро пришло внезапно, Мага открыл глаза, увидел спящего Вика на соседней кровати, оделся и тихо ушел, оставив записку о том, что он признателен за все, но пора. Дома Мага принял душ, долго тер мочалкой большой палец правой ноги, потому что на нем была грязь, побрился, почистил зубы и промыл ледяной водой глаза. «Облака – овцы и бараны – удары молнии – удары рогом, гром – столкновение баранов, лбами, битва за самок и территорию, всё понятно, весьма, они пасутся, поедая зелень небесную. А мясники режут облака и жарят превосходный шашлык. И кетчуп – это кровь барана, она идет не снаружи, а хлещет из мяса, это ошибка – считать не так». Мага сварил вермишель, съел ее со сметаной и чесноком и набрал Датви, своему старинному другу. Вместе они пошли в кафе «Истанбул» и заказали по мясу. Вскоре подтянулся Саид, которого позвал Мага. Сыграли втроем в дурака, пока жарилась плоть. Покурили кальян.

– Курица не умеет летать потому, что у нее человеческая душа, – сказал Датви.

– Да ладно, – раскрылся Мага.

– Конечно, любая курица – это не тушка, не тело, а ножка, крыло, шейка и грудка. Ее нет целой. Нигде. Никогда.

– Интересная мысль, – промолвил Саид.

– Мысль из материи, никто не видел мысль, потому что она маскируется под алюминий, хлеб, мысль, телефон и кирпич.

– Да ну, – не согласился с Датви Саид, – по-твоему, это так? То есть мысль может стать кулаком и ударить по лицу человека?

– Она может вселиться в кулак.

– Датви, да ты не прав, – опять не согласился Саид.

– Это сложный вопрос, – произнес Мага.

– Мысль в центре молекул и атомов, она в сердце всего, вы не знаете, – продолжал Датви, – сердце мыслит гораздо сильнее, чем мозг. Оно рассылает кровь по всему организму – это почта, это книги, газеты, письма. Основное занятие тела – чтение: читают и осмысливают написанное почки, руки, пальцы, ладони. Ноги, в конце концов.

– Член и вагина?

– Да, – согласился на этот раз Датви с Саидом.

Им принесли мясо, мужчины пожевали его и захотели выпить. Взяли чешское пиво, разлили его по бокалам и выпили.

– Вопросительный знак – это старость, сгорбленная старуха, которая все забыла, – сказал Датви, – а восклицательный знак – это молодость. Устремленность наверх.

– Понятное дело, – молвил Саид, – и к этому можно добавить вот что: шизофрения – это глаза, брови, уши; здоровье – это лоб, нос и рот. А вместе они – лицо.

Сделали по глотку, оценили женщину, состоящую из цитат Шестова, звучащую ими, и поборолись на руках. Всех победил Датви. Это немного огорчило остальных, но пиво расслабило всех. «Уорхол просто построил один из городов Карабаха, он строитель, не художник, ничуть, так вот, город один из – это продукт Уорхола, его дитя, родное и нежное, теплое, ждущее тысячи посетителей, даже больше, чтобы счастье лилось и пелось». Мага огляделся кругом, накатил и откусил кусок шашлыка.

– Хорошо, – сказал он, – даже можно хинкали взять, обмакнуть их в соус и отправить на лечение и отдых в желудок.

– Хинкали люблю, – кивнул головой Датви.

– Хинкали – курган, где покоится, скажем, сармат или хазар, – вмешался Саид.

– Ну, не очень приятно есть труп человека, – проворчал Мага.

– Душу мы едим, а тело стесняемся, – усмехнулся Саид. – Хищные души едят мирные души, съедают их полностью, потому на улицах и в домах миллионы тел без души. Вот такая вот жизнь.

– И души нельзя восстановить? – спросил Мага.

– Можно. Для того и искусство. Книги, музыка, фильмы. Они – семена, – объяснил Саид.

– А еще Млечный Путь, глядя на небо или съемки Вселенной, можно поймать хороший вирус, можно окунуться в родные пространства и поймать зерно космоса, которое прорастет в тебе и даст потрясающие плоды, – дополнил Саида Мага.

Саид на это ничего не сказал, только макнул в пиво ус, образно или реально, почесал правую щеку и углубился взглядом в стакан, в прохладное пенное море, потопившее сотни кораблей.

– Левый глаз – это Ришар, правый глаз – Депардьё, и они играют в фильме «Папаши», устраивают налет, дерутся, переворачиваются на машине, обнимаются, расходятся, переходят границу и исчезают из вида, переходя из кино в этот мир, – сказал Мага и закурил.

– Да, – тоже закурил Саид, – и великая мудрость мира может заключаться в выстреле, в ране, в глупости, в алкоголе, в бомжевании и ударе ногой в лицо в рамках турнира «Возвращение домой ночью в неблагополучном районе Твери».

Датви не стал курить, но достал томик Чаренца и начал листать, задумчиво глядя на стихи.

– Почему люди – большая часть – не любят стихов? – спросил он.

– А что такое стихи? – возразил Саид.

– Вот именно, – продолжил Мага, – стихи – это война, это Македонский, это выстроенные ряды, полки, структурированные тела. Кому приятен захват?

– Конечно, я это и говорю, – подхватил мысль Саид, – проза – это толпа, это мир. Это знакомства, болтовня, работа, парк, сад, кафе. А поэзия – это воин. Войско. Война и власть. А есть еще пьесы – это мир и война, и сейчас пьесы в прозе.

Подошел официант и предложил компании осетинское пиво. Мужчины задумались и согласились.

– Свежее? – спросил Мага официанта.

– Да.

– Ну, тогда несите, – приказал или попросил Саид.

Через минуту они уже пили пиво «Владикавказ», и Мага думал, что сексуальность – это океан, в котором плавают желания людей: киты, акулы, дельфины, черепахи и рыбки. Разные рыбки, большие и маленькие.

– А вообще, – сказал вслух Мага, – люди делятся на два вида: на воду и сушу. Это основное деление. Таково и мышление их. Мозги разных видов. Один человек – суша, другой человек – вода. Есть ли авария лодки и машины? Она всегда, и именно потому никто не видит ее. А секс – это когда машина везет на себе лодку. От них рождаются самолеты. Полет есть вода и суша, скрученные в одно.

– Не слишком ли прямолинейно? – спросил Датви.

– А ты как считаешь? – спросил в ответ его Мага.

– Вообще не задавался этим вопросом, но могу сказать: люди – это книги, каждый человек – это книга. Есть Библия, есть «Война и мир», есть «Преступление и наказание», есть «Евгений Онегин», есть «Жизнь идиота», есть «Мизантроп». И особенность нашего времени в том, что один человек стал не одной книгой, а многими. И не только книгами, а еще брошюрами и газетами. И все идет к тому, что люди станут одновременно и фильмами, и картинами, и музыкой. И еще будет отдельная категория: те люди, которые тетрадь, скажем, проект, но их еще нет, но они есть, просто еще не созданы, но человек уже есть.

– Может, так и есть, – сказал в свою очередь Саид, – но я думаю еще, что люди – это модели машин. Подумайте. Есть «БелАЗ», есть «УАЗ», есть машины, которые уже не выпускают, но они есть и они ездят в фильмах о старине. Но мозги – это реально разные модели.

– Выходит, что иностранцами улица полна, – удивился Датви.

– Именно, – произнес Саид, – всё смешалось в сем мире. И внутри человека сидит человек.

– Ха-ха, – рассмеялся Мага, – тогда шизофреники – это автобусы, трамваи, троллейбусы, паромы, самолеты и поезда.

– И драматурги, – промолвил Саид.

– Это одно и то же, – отрезал Мага и сделал большой глоток.

Вскоре подтянулся Тофик, спел азербайджанскую песню, содержащую в себе куски бытия, элементы людей и души львов и бизонов, играющих на траве. На это Саид сказал выстрел, топор и плоть. Мужчины расстегнули рубашки и принялись за еду, налегая также на выпивку. Небо росло в их сердцах, обещая инфаркты – молнии, шаровые и обычные, удерживающие шаровые, рвущиеся в небо, если бы не веревки, убивающие собой.

– Конечно, – сказал Тофик, – высшее искусство – повеситься на молнии, но кому это нужно? Все самоубийцы вешаются на цепочках с крестом. Это такая мода. Это сегодня круто.

– Крест впивается в горло, – продолжил мысль Датви, – и отпечатывается на нем, издает себя на человеке одним подарочным и самым дорогим в мире экземпляром.

И на этом он встал и сфотографировал своих товарищей, показал им фото и разместил его в Инстаграме.

– Ну фото классное, – сказал Мага, зайдя в инет, – а вообще, прошлое и будущее – две ладони, а настоящее – комар или муха меж ними.

– Не соглашусь, – возразил Саид, – извините за откровенность, но прошлое, настоящее и будущее – это половые органы мужчины, то, что посередине, – настоящее, оно может стоять и висеть, а прошлое и будущее могут вдруг стать настоящим.

– О, это круто и страшно, – молвил Мага, – и мне тут подумалось: если человек лежит – это мост, а когда встает – это мост разводят, это два человека между двумя берегами. Человек – это цифра два. И не случайно двойка похожа на вопрос.

– Ну и человек – это здание, – продолжил Саид, – этажи, в которых живут алкаши, юристы, поэты, писатели, разнорабочие, полицейские и прочие. Основной вопрос философии – кто живет на последнем этаже человека, кто поселился там, пожарный, учитель, врач и т. д. И даже больше: не умер ли там человек и не лежит ли и разлагается месяц и год – даже вечность.

Тофик достал карты и начал их тасовать, дымить сигаретой и пропускать дым через сито зубов.

– Армяне, – сказал он, – это разрыв гранаты, азербайджанцы – пуля и выстрел. Я говорю про мозги.

– Понятное дело, – промолвил Мага, – Ницше – это арбуз, ручка его – нож, читатель его – покупатель.

– Как сложно, – скривил губы Датви, – но мир усложняется, вот именно. Есть слова и тексты сом или масло, мясо или вино. А есть – салат, например, винегрет, супы разные, многомыслие, супермышление. Богато накрытый стол или хлеб и вода. Но надо совмещать и то, и другое.

Они замолчали, покосили глазами по сторонам, ничего интересного не обнаружили, вышли на улицу, расплатившись, и двинулись наугад. По крайней мере, так считал их мозг, но ноги и прочее могли думать иначе. «Хорошо напильсь, вообще пьянство – выход в море, человек просто на море, он в океане, он ищет Америку, он Колумб». Так они шли, пока не встретили Софью. Та шла навстречу, держа букет роз.

– Привет вам, – сказала она, – мужчины, куда идете?

- Гуляем, – ответил Мага.
- Пьяны?
- Ну, чуть-чуть, немного, – произнес Мага.
- Я с вами.
- Тогда пойдем, – дал разрешение Датви и представился.

Все познакомилась впервые и заново и двинулись по дороге, распевая мугам и рабиз. Жесткую «Воровскую долю», несущую семидесятые годы вперед, впереди, как отдельного человека, потому что каждый год – это отдельно взятый человек, но есть и люди десятилетия и даже столетия, не говоря про тысячелетия. «Азербайджанец может быть просто ножом, вот ты с ним пообщался при встрече, мирно поговорил, а ушел с тысячей ран, весь в порезах, в которые вошли слова и пустили ростки». Шли недолго, садились на лавки, курили «Казбек», «Арарат», «Баку», львиную долю своих мыслей и чувств проглатывали и делали частью почек, сердец и легких друг друга. Пропитывались собой. Софья шутила, сравнивала позвоночник с мачтой, потому что человек – корабль, плывущий, как динамит, во все стороны, хоть с виду он идет в одну сторону, жуя листья капусты или поедая мороженое.

– Легкие – паруса, – говорила она, – и их наполняет ветер, то есть сигаретный дым. Вот так вот. Иначе – ноль, просто якорь и место в голове – на мели.

Они присели на лавочку, Софья осталась стоять, посмотрела на мужчин и сделала колесо.

– Это еще зачем? – спросил Датви.

– Я сделала колесо, тем самым сдвинула человека-машину с места, я покатила Землю, а вообще я за то, чтобы слепить снеговика из Меркурия, Земли и Юпитера.

– Это страшно, – сказал Саид. – Весной он растает. Потому что оттепель – это теракт весны против зимы. Заморозки весной есть ответ.

– Пить больше не будем? – спросил всех Саид.

– Будем! – воскликнула Софья. – Иначе я скажу так: столб – это позвоночник, над которым горит голова. И все головы связаны проводами. Прав потому что Кант.

– Трансцендентальные провода, – вымолвил Мага.

– Жутко везде и здесь, люди в любой момент могут встать на четвереньки и откусить гениталии тем, кто стоит, – сказал Тофик.

– Тогда и крест – это скелет человека, – сказал Датви, игнорируя Тофика, – просто без черепа.

– А где он? – спросила Софья.

– Его отрубили, – усмехнулся Тофик. – Голова мешает полету. Вы видели самолет с головой? Там же шея. Лететь с головой нельзя.

– Ты оправдываешь отрезание головы? – спросил его Мага.

– Рассуждаю – не более.

– Голова уже плеч, – сказал Датви, – просто на нее нужно надеть колпак. Не надо ничего отрубать.

– Колпак шута или героическая смерть, – подвел итог Тофик.

На это уже никто ничего не сказал, все промолчали и пошли в винный магазин. Взяли небес, туч и молний, плюс солнце. Пошли по проспекту Есенина, прикладываясь к бутылкам и распевая «Кино». «Поэтично, весьма, вино и песни из рока, из глубины его, из России, напищканной композициями БГ, нафаршированной ими, так как Россия пуста, была, но теперь есть песни: лес – «Серебро господ моего», река – «Гарсон номер два».

– Это вино не кончается, – сказал Тофик.

– Оно восполняется, – отреагировал Мага.

– Так и будет потом, – отметила Софья.

Миновали проспект, зашли в парк имени Бродского и стали кормить семечками голубей, продолжая вино. «Голуби – это купцы, богатые люди, денежные. Они превращают еду в деньги

в своих желудках и питаются ими, вгоняют в свой организм монеты и купюры, становятся ими и летят – полтинники, сотни и тысячи. И рубли и десятки, раз богатство – полет».

8

Вечер закончился поздно, Мага проснулся у себя и позвонил Наде. Нада взяла трубку и долго смеялась над всем и ничем. И над роботами, которые ходили по улицам и говорили «Данте», «Платон» и «Томпсон».

– Представляешь, тут роботы, – говорила она, – они то ли писателей любят, то ли они сами писатели.

– А мне кошмары снились, – сказал Мага, – будто у меня есть сестра и ее изнасиловали, в пустырях, вдалеке от дома, на меня наставили пушку и прогнали, а сестра догнала меня и призналась в том, что ей понравилось.

– Ужас, – ответила Нада и приехала.

Она искупалась у Маги, обмотала одним полотенцем голову, другим обернулась сама и села пить компот, который достал Мага из холодильника. Добротный напиток, купленный в магазине «Сталин и Гитлер», открывшийся потому, что они больше не живы. Нада сделала два глотка и начала говорить о любви. О том, что брак – это хорошо, а дети еще лучше, богаче и чище. Мага слушал ее и бряцал невидимыми кандалами в голове. Те звенели песнями «Дорз».

– Ты слушаешь меня? – спросила Нада. – Сначала будет один ребенок, потом второй, потом третий, а потом мы поедем на море, покатаемся на катере, а дальше всё будет как в фильме «Открытое море».

– Я не видел его.

– Посмотри, он крут, даже очень.

– Примерно о чем?

– Двое в открытом море.

– В лодке?

– Вовне ее.

– Не знаю к чему, но я подумал, что добро – это совсем не то, что мы думаем.

– А что мы думаем?

– Ну, что добро – бесплатное лечение людей, бесплатная раздача продуктов.

– А по-твоему что?

– Бесконечность и вечность.

– Когда мы путешествуем по всему космосу и не умираем?

– Да, искусство при этом гигантские небоскребы из стекла – книжные магазины.

– Ну так целые планеты из книг.

– Всё так, не иначе, Нада.

– А иначе – это признание в любви – от акулы. Как медведь или акула признаются в любви? Они съедают того, кого любят. Никого подобного себе не любят они. Только лань или человека.

– Ну да, но когда ты говоришь, знаешь, кого ты мне напоминаешь?

– Не знаю.

– Саму себя.

– Жуть. Это страшно.

– Именно это я и имею в виду.

Компот невообразимо кончался, бурлил и кипел просто так, Нада усмиряла его собой. «От заката до рассвета» фильм о том, что вырвалось из головы Тарантино наружу. Чтобы хоть как-то успокоить приближающуюся мировую катастрофу, было решено снять этот фильм. Вообще, искусство, всё мировое искусство – один сплошной гигантский зверь, посаженный в клетку». Мага пожарил сосиски, нарезав их, налил рядом кетчуп и усадил Наду завтракать.

– Вкусно? – спросил ее он.

- Очень, – ответила Нада и облизала пальцы.
- Они поели, выпили чай и посмотрели друг на друга.
- Сказать, что человек склонен к самоубийству, – дать карт-бланш его убийцам, среди которых он сам.
- Это ты к чему? – спросила Нада.
- К тому, что я поэт.
- И?
- Еще ни один поэт и – шире – творческий человек не покончил с собой. Были только убийства.
- Даже если он поднес пистолет к своему сердцу и выстрелил?
- Даже если и так.
- Ну тогда и Блока убили. Бродского тоже.
- Да. И если подумать, то ужасы показывают по ночам не случайно, потому что это сны спящих людей, вышедшие наружу и транслирующиеся через экран. Это объективация голов.
- Ужасы? Фильмы? Какое кино ты хотел бы снять?
- Боевик, мелодраму, ужасы, комедию, триллер, эротику и порно в одном лице.
- О, я бы посмотрела. Или даже снялась. Но не в последнем случае.
- Я так и понял.
- Ну. А вот что, скажи, если соберутся все жители земли и скажут тебе: улетай, мы больше не держим тебя, наши воли смирились, что ты сделаешь?
- Улечу.
- Ну это понятно, я про то, если у тебя ничего не получится, машинка перемещения не появится, смартфон не получит дополнительную функцию и инопланетяне не прилетят. Как ты поступишь?
- Я? Встану на сторону всех людей и обращусь к пустоте. Я скажу: улетай.
- И пустота улетит и вернется с божьим воинством – армадой Иисуса Христа?
- Именно.
- Они вышли на улицу и сели на лавочку возле подъезда, где к ним подошел парень, похожий на Датви, и сел рядом с ними. Нада прижалась к Маге.
- Меня зовут Ашот, – сказал парень, – я изучаю Арцах, вдыхаю камни, горы, песок.
- И они становятся тобой? – спросил Мага.
- Ты то, чем ты дышишь, – ответил Ашот. – Я – Армения, Азербайджан и Арцах. Я дышу только ими. Втягиваю ноздрями женщин, мужчин, детей. И я скажу так: легкие – это Азербайджан и Армения, сердце меж них – Карабах.
- Ну, он не совсем меж ними, – возразила Нада.
- Не суть важно, – продолжил Ашот, – оно общее и ничье. И в то же время – оно всего организма, всего человека. И нельзя так делить его, как делили раньше.
- Карабах стучится и бьется – он заперт и он разбит.
- Да, – согласился с Надой Ашот, – сердце – человеческое развлечение.
- Конечно, – сказал Мага, – сколько раз я видел, как на поле у пацанов не было мяча, и они считали считалку и извлекали сердце у того, на кого показал палец. Играли сердцем в футбол, а потом отдавали этот мяч пацану. И он уходил с ним домой, унося с собой опыт голов. Много большой информации.
- Это я и говорю, – согласился Ашот. – Мяч, наполненный кровью, – разве это не круто?
- Мне не нравятся эти аналогии, – сказала Нада. – Мага, пойдём в кино.
- Хорошо, – согласился он.
- А меня оставите так? – спросил их Ашот.
- А что с тобой? – спросил Мага.
- Я теряю себя, с каждым днем меня становится меньше, уходят от меня мои органы.

– Это ужасно, – улыбнулась Нада.

Мага и Ашот обменялись телефонами, и Мага с Надой пошли в кино.

– Никогда не расставайтесь, – крикнул им вслед Ашот, – будьте сердцем, носом и ртом!

– Хорошо, – прошептал Мага и взял Наду за руку.

Вместе они дошли до каруселей, сели на чертово колесо и покатали ввысь. «Наверно, мы живы все время, постоянно здесь, но в конце концов захотели нарезать колбасу, чтобы съесть, а не любоваться ею – нашей постоянной жизнью, историей, одним человеком Василием. Потому мы сделали кусочки – Сергея, Вазгена, Дениса и Дато. Вот в чем дело. Человек – это или палка колбасы, или ее куски. У нас сегодня второе». Поднимались наверх, держали друг друга за руки.

– Знаешь, – сказала Нада, – я не признаюсь тебе напрямую в любви потому, что делаю это косвенно. Через передачи и фильмы, книги, в конце концов. В этом больше сокровения и истины.

– Мне тоже как-то так показалось.

– Мы же с тобой поженимся?

– Не надо лучше узнать друг друга?

– Нет – мы же знаем. Сыграем свадьбу в горах и станем одним человеком.

– Душечка ты.

– Ты обидел меня?

– Нет, это комплимент.

Нада сжала руку Маги и случайно коснулась его бедром. «Какая африканская женщина, красивая, южная, страстная, с теплым взглядом и ртом».

Он поцеловал Наду и не смог от нее оторваться. Их губы сошлись, как Пушкин и Лермонтов, и заставили Дантеса и Мартынова прикончить друг друга. «В поцелуе рождается истина, потому что губы спорят друг с другом о боге, дьяволе и Христе. И после поцелуя маленькие Иисусы прыгают изо рта и бегут по улице Солнца». Мага, подумав это, оторвался от Нады и посмотрел на нее. Та плыла в безмятежности.

– Мага, – сказала она, – если человек заглянет в геном, то увидит в нем армян и азербайджанцев, торгующих на базаре. Ничего другого в нем нет.

– Но это же самое главное.

– Думаешь?

– Я уверен.

– А чеченцы торгуют суммой арбузов и дынь.

– Ну и грузины тоже.

– Нельзя встретить пару грузин на улице – только одного или трех.

– Се продумано богом.

Они сошли с колеса и пошли за сахарной ватой, взяли ее и стали прогуливаться вдоль пруда. «Матрица – решетка в голове человека, убери ее – и станешь свободен, но и хлынут враги, убийцы или грабители. Потому человек заточил себя сам. В тюрьме сидят только те, кто хотят сидеть в ней». Нада прижалась к Маге, обняла его и начала целовать.

– Знаешь, – прошептала она ему, – ноги – это ножницы, ими человек режет воздух, чтобы нарезанные куски смогли в себя впитать люди, животные, птицы. Без ног не было бы ничего.

– Тоже так думаю и полагаю, что реальность – вода в ванне, утекающая через отверстие – объектив видеокамеры. И вообще, реальность и виртуальность могут поменяться местами. И один день у нас будет «Терминатор», второй – «Унесенные ветром», третий – «Малхолланд Драйв».

– Еще мультфильмы, клипы, передачи, КВН и «Камеди клуб».

– Порнофильмы еще.

– Футбол, баскетбол и хоккей.

– Еще интересная мысль: люди – продукты питания, так делится психика их: есть человек-картофель, есть человек-капуста, есть человек-арбуз, есть человек-говядина, есть человек-изюм. Последний пункт говорит о том, что эти продукты бывают сырыми и приготовленными. То есть на улице могут стоять и болтать человек-свинина и человек-карбонад. Общение – это поедание друг друга, не в прямом – переносном смысле. Есть сырое общение, есть приготовленное. Но общение с великими людьми – это уже не мясо, а раньше, когда оно было живым.

– Согласна. И есть мертвые фильмы и есть живые. Первые – по горизонтали, вторые – по вертикали. В мертвых герои одеты в гробы, в живых – в колыбели. И мертвые, и живые – это крест. Мертвый лежит. Живой стоит. Их соединяет Иисус. Он распят на смерти и жизни. В нем решение всех проблем. Он должен их разрешить. Руки есть мертвецы. Всё живо, кроме рук. Поэтому всё решает парадокс Короленко. Рассказ «Парадокс». Или нет рук, или крылья. Об этом и афоризм.

– Короленко сказал следующее: если нет рук, то должны вырасти крылья.

Они взялись за руки и зашагали по миру, находя его платоновским – философским и писательским, сжатым ночью и днем, пришедшим из древности и из сейчас, чтобы слиться и стать одним.

– Скоро тот мир, – сказала Нада, – переполнится, и песочные часы перевернутся, и тот мир станет этим, под воздействием тяжести душ и тел, мы просто все будем жить там. А потом вернемся сюда.

– Не спорю, – отвечивал Мага, – и добавлю к тому: клип – это человек, песня – человек без руки или ноги, стих или музыка – человек без двух рук или ног.

– Ужасно, давай без этого.

Нада уткнулась носом в плечо Маги и зашмыгала часто.

– Я тут подумала, – сказала она, – что коробка передач – это секс, наркотики, сигареты и выпивка, это скорости, а задний ход?

– Се искусство.

– Почему?

– Искусство – это познание, знание, а знание – это воспоминание. Так говорил Платон. Это молодость, счастье, вечность. Это секс, наркотики, сигареты и выпивка. И безумие – верх всего.

Навстречу им вышел Датви.

– Какая встреча, – улыбнулся он им и добавил: – В 35 трудно найти девушку, если у тебя нет машины и работы.

– Времена поменялись, – отвечивал Мага, – сейчас главное деньги, известность и харизма. Можно быть блогером, певцом и писателем. Сейчас модно читать.

– Я не читаю совсем, – забеспокоился Датви. – Вытаскиваю мысли из своей головы.

– Это тоже неплохо, – ответила Нада, – потому что сжигание книг – это чтение. Голова – костер, книги – дрова.

– Да, раньше люди были умней, – произнес Мага, – потому что табак закручивали в газеты, они читали легкими их. Сейчас пустота.

– Сейчас предлагается самому писать на бумаге, – не согласилась Нада.

– А если человек не писатель? – спросил Датви.

– Да писать письма хотя бы, – фыркнула Нада. – И скажите, какое самое крутое слово в мире?

– Писатель, – сказал Датви.

– А поэт? – возразила Нада.

– Писатель – это и поэт, и прозаик, и драматург, – пояснил Мага.

– Вот именно, – добавила Нада. – Сама знаю. Дурачусь. Пойдемте кататься на машинах.

Ребята вернулись, нашли автогонки и окунулись в детство.

– Блок писал прозу и рубил ее на стихи! – кричала Нада.

– Берроуз – это не писатель, это наркотик! – вопил Датви.

Мага молчал, только в конце сказал, что они все чудаки.

– Не знаю, откуда такой вывод, – добавил он после, – но так захотелось сказать. Можно ведь орать «член – это насос, который выкачивает из женщины всю грязь», но я не буду озвучивать это.

– Уже озвучил.

– Только для вас, – парировал Наде Мага. – Хочу прочесть всего Томпсона.

– Читай, – сказал Датви.

– Попробую скоро. А вообще, сейчас время книг, которые можно с любого места читать.

Ушли от каруселей, зашли в сумасшедший дом, выстроенный на аллее, с открытыми дверями и койками, на которых может любой полежать и полечиться от болезней Декарт и Паскаль. Трое прилегли на кроватях и закурили.

– Добротное сумасшествие, – сказал Мага.

– Сочашеся по стене и стекающее в ведро, – добавила Нада. – Когда здесь никто не лежит, то светит солнце – всегда. И хочется сказать, что сумасшедший тот, для кого реальность нормальна, время естественно, смерть неизбежна. Это надо лечить.

– Свобода – это то, куда запирают, – сказал Датви.

– Почему? – не согласилась с ним Нада.

– Свобода – это замкнутое пространство, оно в творчестве, а это закрытые места: бумага, синтезатор, полотно, – объяснил Датви. – Вот снимают фильм на природе, и что? Там свобода потом, на экране, там искусство, а не в процессе съемки. Съемки – это работа, кино – это наслаждение.

Взяли по тонику, забросали свои желудки жидкостью, вымерли в одном месте и воскресли в другом.

– Где мы? – спросила Нада.

– На улице Руставели, – прочел Мага табличку.

– И что он писал? – снова спросила Нада.

– Улицы и писал, – пояснил Мага, – строки есть улицы, дома между ними – пробелы.

Попили газировки на углу и пошли в гости к Датви, чтобы играть в Xbox.

9

После гонок внутри экрана, выходящего наружу микрочастицами, пили горячий чай.

– У животных тоже есть национальность, – сказала Нада и сделала глоток.

– Порода?

– Национальность, – повторила для Датви Нада.

– Я понял, – ответил Датви, – и мне почему-то подумалось, что скоро русские хлебнут Циолковского и Гагарина, заразятся ими и сами станут приезжими в России. Так поменяется мозг.

– И будут продаваться таблетки Марс, Юпитер, Сатурн, – сказал Мага. – Выпил Венеру – и ты на ней.

– О, интересно очень, – промолвила Нада и помыла стакан.

Она раздула щеки и с шумом выпустила воздух из них. Мага рассмеялся, в том числе и отсутствием зуба, и взял с полки книгу.

– Что за книга? – спросила Нада.

– Не моя. Блока. Его стихи.

– Хорошие. И я тут подумала, почему созвучны слова «девушка» и «дедушка»?

– Потому что между ними много общего, – пояснил Датви, – я бы даже сказал, что иногда они одно и то же.

– Поразительно, – удивилась Нада.

– Да, – отчеканил Датви.

Чай пах имбирем, неся по своим волнам чайники, будто из прошлых лет, танковых, пушечных и мясных, проникнутых кровью восемнадцатилетних людей, учащихся в университете и пьющих водку и пиво между занятиями. «Кораблекрушение! Все испытали его, все окунулись в него, каждый пережил переход в тридцатилетие, когда ты уже другой человек, полностью обновленный, без дурачеств, знакомств, юности, выноса мозга, гулянок по вечерам и ночам, города Сочи в глазах, на устах и на сердце».

– А вот интересно, когда победят смерть? – спросила будто никого Нада.

– Смерть? – переспросил Мага. – Трудно сказать. Должны.

– Смерть может уйти, – сказал Датви, – но надо понять, что умирает только имя человека, его кладут в гроб, а сам человек живет.

– Интересная мысль, – отвернулась Нада и начала изучать книги. – У морей есть название: Черное море, Белое. Ну и так далее. Надо идти дальше, конечно. Стакан воды Кошкино. Графин с водой Солнцево. Бидон молока Чернигово. Так и надо теперь.

Скучали, не знали, что делать, сидели, листали книги, просматривали журналы, выпили снова чай. Покурили. Пока разрешенное. Ни о чем даже не думали. Только были. «Человек – это гвоздь, его вгоняют, он становится все меньше и меньше, пока не исчезает полностью. Иисус – гвоздодер».

– Я будто слышу и чувствую мысли и чувства, ведь они – разные виды животных, – промолвила Нада, – проносится зубр – любовь, пробегает лиса – страдание, мелькает волк – работы Спинозы, косолапит медведь – пьесы Марло, танцует олень – смех и злость.

– Ну, такие мысли рождаются в Карабахе, он эпицентр мышления, он есть само мышление, – сказал на то Мага. – Так бывает иногда на этой планете, кружащейся на игле наркомана.

Датви усмехнулся и сделал медвежье лицо, утверждая животное бытие, стремящееся порвать с собой и с людским, чтобы сразу махнуть на небо, растревожить его и за час посетить десять планет, не менее, но и не более, так как мало чего запомнится, а запоминаться должны рок-группы, книги битников и картины, нарисованные Ван Гогом на спинах людей, в силу чего эти люди не умерли, не разложились, не распались и не обернулись в прах. «Мысли –

это дождь из туч – из мозгов: когда он идет, печень, почки, селезенка и сердце сбиваются в кучу и открывают зонт в виде легких, чтоб не промокнуть и не простыть. Но это осенью. Летом эти же органы танцуют под дождем и брызгаются, радуясь мышлению, идущему на них и дарящему им понимание того, что недоступно иным: например, то, что Бодрийяр – не мыслитель, а книга, которую написал Бодрийяр: и не зря, так и должно быть, потому что роды – это когда ты рождаешь себя; если рожают тебя – это смерть». Решили выпить кофе, Нада сварила, поставила чашки, Мага разлил напиток и добавил виски в него.

– Это же извращение, – сказала Нада.

– А это не извращение, что сейчас в воздухе – цитаты из Томпсона, и мы вдыхаем их, делаем частью себя, не стесняясь – ничуть? – парировал Мага.

– А цитаты откуда? – спросил Датви.

– Из «Царства страха», – отвечивал Мага.

– О, это хорошо, я когда-то читала.

– Тоже, но не читал, – выдал такое Датви.

Сделали по глотку и все вместе подумали, что осиное гнездо – это мозг. «Но у кого-то муравейник, у кого-то нора, у кого-то берлога, у кого-то гнездо. Разные есть мозги». Мага задумался и решил, что «Капитализм и шизофрения» – главная книга двадцатого века, что она – дирижабль, самолет, ракета. «Название этой книги из трех слов, но, считай, одного, потому что оно – матрешка. «Капитализм и шизофрения» – имя, название торта, сока, пива, коньяка, виски, машины, банка, города и страны. Это не просто книга. Если ее читает шизофреник, то превращается в капитализм. Или наоборот». Мага закурил и вспомнил Кольтеса, как ходил на его спектакль, как читал его книгу пьес. «Конечно, Роберто Зукко – это имя для всех людей. Кольтес написал биографию всех людей. Показал каждого в отдельности и всех в общей сумме, помножив их потом на себя, для чего он разделился на живого и мертвого, чтобы итог был большим».

– Тоже хочу курить, – изъявила желание Нада и закашлялась от сигаретного дыма. – Чтобы чужой дым не вредил, нужно курить самой.

Мага дал ей сигарету и поднес к ней огонь.

– Так теперь лучше? – спросил ее он.

– Да, намного, спасибо.

Датви ничего не сказал, просто достал электронку и задымил, поглядывая на своих друзей, как на Идиота Игрок. «Ночь вертикальна, потому что горизонтален день».

– Так странно кругом, – сказал Датви. – Но если человеческий мозг – муравейник, то матка есть его я.

– Это же относится и к пчелам, – сказала Нада.

– Интересно, – промолвил Мага, – тогда шизофрения – рождение новой матки и отделение нового муравейника или улья.

– Так и тело станет двойным, – отметила Нада, – не только расщепление ума, но и тела. Альтернатива родам.

– Хорошо, – согласился Мага.

Друзья допили кофе и разошлись. Мага и Нада ушли, Датви лег на диван и попробовал ничего не думать, кроме того, что все умрут, так как никто не умрет. «Выпивка хороша своим отсутствием, потому что в этом случае ты пьешь не одну или две бутылки, а весь мировой алкоголь. Пить водку или виски – заниматься сексом с женщиной, но есть еще онанизм». Так проходили минуты, а Мага и Нада шли по улице Бродского и молчали беспечно. Никакого напряжения не было, мысли текли рекой и несли рыбу и корабли. «Бог – это вирус, он может проникнуть в организм и заразить его богом, сделать человека больным – вечным и бесконечным. Двадцать первый век принадлежит борьбе с этим вирусом и войне за него».

– Молчим.

– Потому что Платон драматург, а не философ, – отвечал Мага. – Он за нас все сказал.

– Ясное дело.

– Да.

Попили газированной воды, отдающей водкой, сели в автобус, проехали, вышли, заплатив за проезд, углубились в аллею героев, где стояли вперемешку бюсты армянских и азербайджанских воинов как память военных лет. «Мир и война – банка с томатами, война – банка, томаты в ней – мир. Но в банке могут быть и огурцы, и капуста».

– Прожарка – это если, скажем, собираются герои «Бесов» и шутят и перемывают косточки своего создателя.

– Достоевского.

– Ну, – запрягла лошадь Нада.

На это усмехнулся и размечтался Мага, загрустил о вине «Самцихе», которое наполнило бы его желудок и повело по улицам, наполненным до отказа Булгаковым, распятым на каждом перекрестке и раскинутым Маргаритой, Берлиозом, Бездомным, Воландом, Швондером, Преображенским, Шариковым и другими машинами, трансформерами и детскими куклами из его книг. «Лицо Буратино – пах, он должен совать нос в рот Мальвине и оплодотворять ее мозг». Они остановились и поцеловались, как кошка убегает от пса и от мыши.

– Фрейд всю жизнь покупал колбасу, баклажаны, багет, огурцы и морковь. Он скрещивал их, как шпаги. Теория хорошая. Но Христу и Фрейду в душе, в голове не хватило дынь, арбузов и тыкв.

– А при чем здесь Христос? – спросила Нада.

– При том, что Христос – лыжник в России. Его распяли на лыжных палках. А ноги Христа до сих пор бегут по лесам и полям России.

– Без него?

– Без него. Ведь крест – это лук. Натянули лук, вставили стрелу, распяли Христа и выстрелили. Смерть Христа есть полет. Иисус улетел сразу после распятия. Вместе со стрелой.

– Нет, его руки были прибиты к луку. Христа разорвали на части. Теперь куски Иисуса в душах разных людей. Один человек – ноги Иисуса, другой человек – туловище Иисуса, третий человек – его голова. Она и решает все.

Сели на лавку, левая рука Маги начала красться к правой ладони Нады, чтобы захватить ее и взять в плен. «Был человек по имени СССР: он умер, и Советский Союз развалился. Все проще простого. Все понятно без слов. Но я их думаю, то есть кручу мясорубку. Ведь мычание – огромный кусок мяса, который разрезают и пропускают через мясорубку, образуя слова».

– Что думаешь? – спросила Нада.

– О Томпсоне думаю, что он выстрелил в зеркало и упал замертво.

– Рикошет?

– Вовсе нет. Просто убийство. На чувстве зависти к самому себе. На неприятии того, что у него больше славы и денег, чем у него.

– Я не читала Томпсона, но понимаю, о ком ты говоришь.

– Конечно. Томпсон – клыки и зубы льва.

– А лев кто?

– Сумма всех гиен, напавших на него.

Они покурили, дымя в разные стороны и образуя тем самым усы Сарояна, то есть представляя его лицо. «Бывает так, что толпа – это лицо человека, и ее движение – ход мыслей его, мышление о грехах и бытии». Мага задумался о цирке и решил, что это содержимое головы человека, вообще человека, любого. «А раньше были охотники, лес и звери, но времена поменялись, теперь охота и дикая жизнь – телевизор и комп, они заперты в них, и нет ничего удивительного».

тельного в том, что человек может бросить телефон после полученного сообщения или звонка и побежать в страхе и ужасе, матерясь и ревя». Нада встала и медленно пошла, двинулась так, что Мага не смог спросить, куда она и зачем. Она постепенно ушла, ничего не сказав. Мага посидел еще и тоже пошел, но к себе. Дома убрался, принял душ и выпил холодный чай. Лег на диван. «Бротиган обрисовал будущее мира, купил гараж, написал на его крыше и стенах «Рыбалка в Америке» и прославился на весь мир, потому что к гаражу выстроилась вереница из миллионов машин, которую Бротиган сфотографировал, сделал цепочку и повесил машины на шею с кулоном в виде гаража. И самоубийство писателя стало понятно тогда: гараж впускает в себя машину, и цепочка сожмется, задушив автора дверями, багажниками, капотами и людьми».

– Бокс – это литература, – сказал он вслух, – руки – это строки, которые должны бить. Кулак – это точка. Но есть еще уличные драки. Это обычная речь и графомания.

Мага почесал подбородок и встал. Понабирал текст на смартфоне и принял звонок от Жаклин. Та хотела увидеться, чтобы прочесть свой рассказ. Договорились о кафе «Эйзенштейн». В шесть часов вечера.

– Окей, – сказала Жаклин.

Мага отключил телефон и побрился, отправил частицы души и мысли в раковину, попрыскался одеколоном и провел рукой по щекам. Волосков не было. Он успокоился и пожарил яичницу. Съел ее с красным перцем. Покурил на балконе и отправил несколько рассказов в журнал «Карабах». Получил уведомление, что рассказы получены, вздремнул, оделся и пошел на свидание – на деловую встречу.

10

Улица ничем не удивила, только пара летающих тарелок пронеслась над домами, а так – ничего – люди, разделенные на телевизоры и компьютеры, два вида бытия, совмещенные иногда. Поэтому Мага внедрился в кафе, заказал бутылку вина «Агдам» и сел в полутемном месте. Ну а Жаклин еще не было. «Вино впадает в кровь, потому его можно звать притоком, по нему плывут Финны и Джимы, тысячи человек, и устраивают жизнь и представление внутри человека». За этими мыслями его застала Жаклин, одетая в последние мысли Чорана.

– Привет, – сказала она и примостилась рядом. – Буду читать рассказ и потягивать кофе. Ты пьешь вино?

– Иногда и сейчас.

Они помолчали, Жаклин заказала мокко и достала блокнот.

– Я прочту самое начало, ночью писала, делала наброски, неброско. Лондон ворвался в мировую литературу из Аляски, пал с вершины в низину, разнес свои рассказы по редакциям, не получил ответов и устроил драки с редакторами. Ничего не добился этим. Начал лучше писать. Вносить Ницше в чернильницу, писать его кровью, собранной, а не захороненной. В самом деле, ранние рассказы Лондона написаны кровью Фридриха Ницше. Об этом мечтали многие, но не знали. А Лондон оправдывал свою фамилию, захватывая Африку и Индию духа. Ведь рассказ – это лодка, а корабль – роман. Иначе говоря, у всего есть своя аналогия, потому Лондон устроил кулачный бой, отправился моряком до Китая и женился на скромной девушке из небогатого семейства. Жил так два года, а потом устроился на работу: стал украшать машины цитатами из своих книг. Как тебе? Хорошо?

– А почему именно Лондон?

– Ну, мне он представляется ключевым. Его «Мартин Иден» – энциклопедия жизни сердца в груди.

– Не спору, но интересно.

– Я продолжу тогда, – сказала Жаклин, хлебнув кофе и закурив сигарету. – По ночам Лондон спал очень тяжело, он постоянно хотел писать, он вскакивал, садился за стол и испивал целые страницы. Так и смерть его, если забежать вперед, есть потопление Лондона, он утонул в собственных текстах, море из капель – букв – настигло его и сделало утопленником. Его больше нет. Нет Лондона, но город стоит. И он – памятник писателю или он сам, человек-город, с тысячами людей, собак, кошек, машин, покупок, работ, соитий, сделок, поездок и драк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.